

Виктор Зимаков

ДОЛИНА ИСТИНЫ

Виктор Зимаков

Долина истины

«Издательские решения»

Зимаков В.

Долина истины / В. Зимаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937751-7

Повествование о предках наших, славянах — что камень веры, истины в основании Сибири, Алтая заложили. Тяжелая доля и юмор из жизни жителей этого прекрасного края.

ISBN 978-5-44-937751-7

© Зимаков В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ЧТО ТАКОЕ СКАЗЫ?	7
Зов Небесный. «Посвящается людям Православным, Хлеборобам полей Сибирских.»	8
Сказ братья как спасали друг друга, будучи один красный другой белый	10
Баня Староверов	13
Казнь белогвардейцев	16
Казнь красных	21
Сказ	30
Сказ о деяниях старца	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Долина истины

Виктор Зимаков

Редактор Дмитрий Зимаков

Корректор Ирина Шепик

Корректор Алена Шепетило

© Виктор Зимаков, 2018

ISBN 978-5-4493-7751-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зимаков Виктор Федорович.

Родился на Алтае в 1947 году. После окончания Красногорской школы поступил в Омское высшее общекорпусное училище. Служил в различных подразделениях Забайкальского военного округа. Офицер запаса с 1990 года. Проживает в Барнауле.

Этим автором написана и издана книга «Лебедь Черный». Книга о сибиряках, которые в делах ратных уничтожали фашистов, прыгали на вражьи позиции с самолетов без парашютов. Отстаивая веру истинную, избирали вольно Голгофой Красную площадь Москвы. Тяжелая доля штрафников и юмор из жизни жителей этого прекрасного края. Одна из версий нахождения золота Колчака на Алтае.

Также, один из авторов романа «Корни России». О судьбе православных сибиряков в период Гражданской Войны на территории нашей отчизны.

Отдельные произведения напечатаны в альманахе «Русская вера. ру» под названием «Стоит Москва – стоит Россия», в журнале «Алтайский старообрядец» и в др. изданиях.

Виктор Федорович награжден дипломом Православной литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского, в номинации «Проза».

От автора

Повествование о предках наших славянах – что камень веры истины в основании Сибири, Алтая заложили

Главное богатство моей страны – Православие. Оно и только оно имеет суть всего Божественного на небе и земле. Христос – могучая защита нашего народа, который сумел сохранить свое достоинство благодаря вере и до сих пор является для нас примером существования, прообразом для всего нашего общества. Простой люд, не увешанный наградами мира, но сохранивший в душе правду и божественный свет – это моя единственная и большая любовь. Это и есть мой белый свет ненаглядный.

Многие страны ополчатся на мою Страну, воспьют ненавистью к нашей Отчизне. Но, народы окружающие Россию поймут, что так дальше жить нельзя, либо война и уничтожение мира всего, либо решение вопроса согласием дальнейшего сожительства с людьми этой непокорной и всем мешающей страны.

Сегодня у моей Родины нет идеологии, что выгодно власть имущим, поэтому нет почвы для противников.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА – Ученые богословы отмечают суть Творца нашего мироздания и человека.

Истина «...Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через мене...» (Ин. 14:6)

«...Ибо закон дан через Моисея; благодать же и ИСТИНА произошли через ИИСУСА Христа» (Ин. 1:17)

«Истина возникает из земли и правда проникает из небес» (Псалом 84:14)

ФИЛОСОВСКОЕ МНЕНИЕ

Истина – это то, что существует в действительности, отражает объективность правды. Она существует в единственном экземпляре. Абсолютную, неприкосновенную информацию, действие Истины невозможно оспорить. Потому мы всегда наталкиваемся на упорное противодействие ей, но она всегда уместна и не нуждается в проверке.

ЧТО ТАКОЕ СКАЗЫ?

Сказы – это записанные со слов очевидцев, события народнопоэтического повествования, но по сути – это изложение истинной жизни старообрядцев Алтая начала 20 века. Всё происшедшее это правдивые воспоминания людей честных, истинно верующих. Эти сказы ещё не стали легендами, но они будут живы пока жив наш народ.

Зов Небесный. «Посвящается людям Православным, Хлеборобам полей Сибирских.» Эпоха раскола народа русского

1917 – 18 – 19 —е годы столетия прошлого. Самые страшные по насилию, жестокости, попранию морали, Веры и справедливости времён Державы Великой, что величалась Империей Российской.

В мире христианском Россия, словно ПТИЦА ФЕНИКС: триумф вечной жизни....воскрешение.....вера....постоянство....символ Христа Спасителя. Под крылом Жар – Птицы этой народ русский духом поднялся, укрепился, воспрял, а народы малые.....веры языческой... мусульманской....., спасение нашли от ворога внешнего.

Для королей да принцев заморских, Россия – медведь, увалень неповоротливый, вроде мирный, но могучий коль его потревожишь. Вот и вознамерилась та иноземщина, крылья Птице той, да хребет медвежий перебить.

Веками сплоченные под знаменами, стягами, хоругвями с иконами Бога Единого люди вдруг разошлись по стороны разные. Врагами непримиримыми стали.

Какие силы???

Какие идеи???

Какие лозунги???

Флаги, смогли толкнуть этот Великий, Веротерпимый, Добрый, Благородный Народ на бойню, самоуничтожение???

Силы те рожденные в недрах масонства европейского под личиной всеобщего мирового братства, равенства и благоденствия взор свой устремили на Благодатную, богатую недрами, реками да лесами Россию.

А ещё – ЗЕМЛЯ там черна, жирна, сочна и плодородна обилием чернозёма векового.

А что за люди там живущие?

Там они слишком доверчивы, хлебосольны, и гостеприимны.

В бою прямом и честном непобедимы – как Душой, так и телом. Но вот против Злого Умысла беззащитны.

Вот и порешили те мудрецы заморские замутить, охмурить, опьянить, прельстить Народ Русский баснями да сказками о новом Царстве – Государстве. А главное порушить основу жизни народа, власти на чем из покон веков Русь – Россия держалась – СОБОРНОСТЬ.

Сумело то Зло стравить отцов, детей, братьев, сестер живших доселе семьей единой, дружной, прочной не делимой, а затем разрушить, разделить, этот когда то вечный союз нерушимый.

В Начале Войну Империй развязали, а потом и волю свою Иноземную, Духу Народному России навязали.

Имя ранее на Руси не известное – РЕВОЛЮЦИЯ.

Красные... Белые... Анархисты... Монархисты

Банды да отряды разного сброда, отрепья человеческого.

Битва та Людей Русских видимо не видимо сгубила.

А больше покалеченных, израненных душой и телом, к труду не пригодных к Земле родной вернулись, в деревни, села, хутора.

Взял бы в руки плуг, чтоб пашню рыхлить, да только нет помощников послушных КУЛЬТИ осталисьс памятью фантомной хлебороба – ли, мужика – ли мастерового.

Пошел бы по росе, аль меже свежевспаханной землицы, – тепло да пар от дыхания целены поднятой пятками босыми ощущая.....да нечем.....ОБРУБКИ ног в протезы грубые втиснуты, да ремнями скрипучими стянуты.

Да,..... были бунты разные,..... восстания недовольных,..... иго иноземное....но все кончалось кровью малою....да замирением скорым сторон враждующих.....

А сейчас..... словно саранчи наваждение.....партии.....фракции.....призывы.....декларации.....лозунги – обещания о жизни красивой.....богатой.

А лидеров говорить зажигательно, да привлекательно, любой окраски....не счесть.....

Все в куче, словно змеи хоть и шипят, но друг дружку не особо жалят. Весь яд смертельный, разрушительный, липучий, супротив **МУЖИКА, МАЛОГРАМОТНОГО, ДОВЕРЧИВОГО, ВЕРУЮЩЕГО В БОГА, МИРНОГО** испускается, обволакивая обманом.

Большевики – те первыми в сумятице той и неразберихе классовой проснулись, прозрели.

Поняли, учли, МУЖИКИ УКЛАДА КРЕСТЬЯНСКОГО, словно пуповиной с ЗЕМЛЁЙ связаны, а на просторах государства их большинство.

Во всеуслышание, на деньги иностранные огласили:

– ЗЕМЛЯ – КРЕСТЬЯНАМ —

Тем кто руду плавил, да плуги правил —ЗАВОДЫ – ФАБРИКИ.

А что же ЗЕМЛЯ??!!!!

Землица заждалась ХОЗЯИНА своего. Вся в Надежде, что тот наконец – то очнётся от бесконечного поиска Правды – Истины среди всего разноцветья флагов, враждующих вождей ему ранее не ведомых.

Земле – БЛАГОДЕТЕЛЬ нужен. Она разумная, родимая забеременеть хочет от семени хлебного.

Хочет.....Мучается.....Ждет.....Где же тот кто истинно к ней привязан???
Любит ЕЁ... Готов на муки людские ради НЕЁ ОДНОЙ.

Кто оплодотворит???**Взлелеет????****Лемехом расчешет, бороной пригладит и роды – Дары Зернистые урожая от неё примет.**

Ждет....Надеется.....что одумается друг самый близкий. Кричит и стонет надрывно, что пора настала, за ПЛУГ стать, а не за лугами в плавнях речных при банде мыслить как брата иль отца изничтожить.

И вот вся эта волна распутства, вакханалии дошла да края земли Сибирской, на Алтай.

Рубеж селений: Кожа, Тайна... Никольск, Бубычак, Карагайка, Еронда.. за которыми на юг России 500 – 600 верст тайги, горных круч, до границы с Китаем, да Монголией без человека единого, без дорог и троп, лишь лоси, маралы, медведи да волки, запаха людского не знавшие.

О том и сказы будут, как жили предки наши Веры Истинной.

Сказ братья как спасали друг друга, будучи один красный другой белый

Леша Коновалов у колчаковцев через месяц, как на службу по мобилизации призван был, сегодня чин казака – приказного вместе с одной лычкой на погоны получил. Решив это дело отметить, с разрешения старшего урядника прям на коне строевом поехал на окраину Бийска в магазин купца Коротеева, где спиртное для воинов дешевле, чем в других питейных заведениях продавалось.

Уже на подъезде к нужному месту видит на встречу двух арестованных красноармейцев конный рядовой казак сопровождает в тюрьму или контрразведку, а может быть и на расстрел. Сразу Лешка узнал в избитом, да босоногом пленном своего старшего брата Ваську. Тот тоже узнал во встречном наезднике родную кровь, но виду не подал, боясь, что может это навредить хоть и врагу, но всё же братишке. Не растерялся младший, под предлогом прикурить остановил конвоира, тот словоохотлив оказался, да к тому же земляк, что рядом с поселком Карагайкой расположен:

– Вот попались краснопузые лазутчики, их в Бийске на базаре их же прежний перебезчик из отряда красных опознал, проследил он в какой дом зашли голубчики, там их и накрыли вместе с хозяином, что советом сочувствовал, а красным командирам передавал данные о наших войсках. Сейчас их в тюрьму сопровождаю, что на другой окраине Бийска, видно не сегодня-завтра расстреляют злодеев.

Лешка, как бы с сочувствием и сожалением:

– Жаль, парни то наши сибиряки, православные, перед смертью то в баньку бы их сводить.

На что конвоир:

– Ну коль по правде, и мне жаль мужиков, и то верно на тот свет являться в таком виде. Вообще-то у нас вахмистр – мужик шибко богомольный, коль попросят смертнички, да может и дозволено будет грязюку то с себя смыть, тем более, что вон она часть то наша с банькой городской находится. Да к тому же, я дюже как жрать хочу, в часе езды до обеда, а до тюрьмы через весь город тащится, час, а то боле пройдет. До своей кухни вначале я доеду, там может и несчастных покормят, а старший разрешит, пока я откушаю, да чуток отдохну, эти бедолаги в баньке грехи свои смоят. Баня то день и ночь работает, там специальное отделение есть для помывки, для тех, кто в тюрьме долго парится.

Уж что-что, а расположение сего помывочного учреждения Коновалов досконально знал, а главное то, что большой зал, где до полусотни сразу моется, через сливной решетчатый метровый ширины люк можно попасть в ту отдельную пристройку, где раньше мылись, да стирались люди бедные, ну и кто в городской жандормерии, в изоляторе сидел. Всё это Лешке известно было по тому как истопняком сего здания был его родной дядька по линии матери. К этому родственнику часто Коновалов с отцом ездил в гости. Дядька же Федор, стараясь как-то угодить родне с глухой деревни, водил тех бесплатно в баню, ну а когда был, так сказать женский помывочный день, родственник, будучи под градусом, сводил уже юного Леньку в ту пристройку, показал, как пробраться через люк, где проход во весь рост, правда по колено в мыльной воде, можно было пройти к другому люку, что был в углу общего помывочного зала. И оттуда, приподняв железную решетку, наслаждаться женскими прелестями и подглядывать, как бабы голые да распаренные во всей красе мимо ходят. С тех пор Ленька и Ваську сводил, пока дядька спал, так мало этого он еще и местную шпану, за деньги правда, водил на это кино. Так что весь разговор он с конвоиром вел в надежде, что старший брательник правильно поймет его намек и дай Бог удасться его задумка – освободить от неминуемой смерти Василия. С тех

пор ничего не изменилось, а по тому Коновалов, вместо магазина галопом домчался до бани, нашел дядьку Федора, всё ему обсказал и наказал, чтобы тот при случае, ежели приведут его родню, то конвоира незаметно самогонкой угостить. Повезло братьям в этот день, что конвоир сговорчивый да добрый и его командир позволил пленным сводить в предбанник, душу и тело от грехов очистить. Всё вышло, как и задумал наш приказной казак. Конвоир, наполнил один котелок кашей, другой борщом, с разрешения начальника привел арестантов к нужному месту, прежде тех мыться завести, проверил, однако, что внутри ничего лишнего нет., кроме горячей и холодной воды, одна входная дверь и маленькое окошечко над ней, другого выхода иль входа там нет, а дверь на засов закрывалась. В общем развязал руки у пленных и втолкнул их в помывочную, дверь на щеколду закрыл. Сам же рядом на лавочке расположился, откушать и чуток передохнуть, мало того кто-то видно случайно под скамейкой бутылку самогонки забыл. Это дядька Федор спиртное положил, да так чтобы видно было.

Ну а наши смертники, оказавшись в предбаннике быстро проникли через люк в основное помещение, где как раз мылись казаки, кто там в пару да брызгах узреет, как два чумазных, голых мужика, хоть и побитых слегка, из люка незаметно вылезли для вида с шайками походили, ополоснулись, чтобы кровь да грязь с себя смыть и приметив, белогвардейцев, что только разделись и в парную ушли, быстренько одежду этих воинов одели, выйдя на улицу подошли к месту, где кони казачьи привязаны в ожидании своих хозяев, по указателям на пиках узрели лошадей тех, чью одежду они похитили. Быстренько вскочили и галопом в сторону бора. Всё это со стороны Лешка Коновалов пронаблюдал, перекрестился и уже спокойной поехал в магазин, чтобы купить водки и обмыть своё звание и благополучный побег родного брата. Да вот только через неделю сотня, где Лешка уже командовал отделением казачков, следуя маршем в один из поселков на окраине Бийска, столкнулся с отрядом красных. По количеству воинов они равны были, по тому никто не хотел уступать. К тому же на сторонах обеих были только русские мужики и парни без всяких пришлых интернационалистов.

Вот и схлестнулись две силы одинаково великие по духу, отношение к земле матушке, но разные по тому, как жить далее – вольно без царя иль под тронем государственным. Самое страшное в такой войне, когда порушены заповеди Бога – от этого и страдает вся культура любого народа.

По тому жестко, без переживаний, сожаления рубились русские люди на совесть, без изъяна в душе. Так уж созданы и воспитаны нашими предками. Лешка еще из дали спасенного братьельника узрел, зарубив пару красноармейцев, лицом к лицу с Васькой оказался. Тот с саблей в одной руке, в другой маузер, да вот патроны кончились. Отбросил старший оружие ненужное, замах сделал над плотью братской, тот первый удар отбил, так что сабля на половине треснула, пока старший задумывал, как снова поразить младшего, тот изловчился да сбоку по шее родной рубанул. Тот однако успел только жалом острым проткнуть грудь того, с кем одной грудью материнской вскормлен был. Повалились оба с ранениями смертельными на шеях коней, те мирные животные махнув гривами поплелись в одну сторону – на окраину поселка, как раз к кладбищенскому забору. Истекающие и умирающие братья, высвободив ноги из стрелянок, упали рядом, нашли силы последний раз взглянуть друг другу в глаза, откуда независимо от них текли слезы. Так обнявшись, братьев и нашли местные жители бездыханных и признаков жизни иных. Мужики, четверо их было, пришли на кладбище могилу выкопать для расстрелянных новой властью священника Никодима и его матушки. А тут два бойца мертвых. Один красный, другой белый. Решили по христиански мужички воинов земле предать. Только начали, ямку чуток выкопали, такая гроза с дождем, да градом, да громом приправленная началась, то гляди убежать надо. Так что, быстренько селяне скинув с мертвых форму, оружие и прочие, в одних портках нижних да рубахах, да с крестами на груди в ямке той чуток присыпав и захоронили. Лошадей с собой забрали, да и убежали с погоста.

Видно Богу было угодно иначе решить, что дел у припорошенных мертвецов влажной землей еще хватает. Так что, влага, что в земле была силы предала, оживила братьев, выкарабкались те из склепа своего. Луна фонарем ярким озаряет зрелище неприятное крестами заполненное. Дошло до бывших мертвецов вся катавасия боевая, мигом из голов выветрился угарный хмель ненависти к власти, которую защищали, а потому бегом кинулись по оврагу в сторону дома своего. Ночь брели. Но утром ранним у родных ворот оказались, перекрестились, поклонились родителям вышедшим. Прокляли все, что их связывало с войной, в тайгу ушли далеко к золотоискателям.

Да вот судьба через два десятка лет вновь свела братьев. Успели они социализм вместе построить и семьями обзавестись, а здесь беда – фашист напал. Старший в плен попал к врагу. В надежде уйти от немцев добровольно вступил 15-й казачий кавалерийский корпус СС (от автора: в период Великой отечественной войны на стороне фашистов по данным историка К. М. Александрова на службе рейха имелись ряд казачих формирований, приблизительно 30—35 тысяч человек).

Так что, в одном из боев встретились Василий с Алексеем, вот уж здесь сеча то была страшная, исконно славян с кровью русской. Ярость меж этих двух казаков-воинов даже противника ввело в заблуждение. Не было понятно никому, почему так страстно эти солдаты так лихо и долго в стороне от остального боя бьются не на жизнь, а на смерть. То был последний бой. Погибли Васька с Алексеем одновременно проткнув еще дедами подаренных шашками сердца друг у друга. Похоронная команда из воинов русских не стала снимать с убитых кресты нательные, так и захоронили в одной братской могиле потому как при них нашли документы одной фамилии и отчества, только имена разные. Поняли похоронщики, что за славян земле отдали навечно.

Баня Староверов

**Млей, млей моя Душа
Здесь жаркая истома
Польнная солома
И аромат степной.
Сидишь себе томишься
От жара терпкого Душа и тело молодится.
Так баня хороша
Весь чистый я!!!!!!
И важно что не только тело а Душа.**

День субботний, друзьям своим близким Ефтей Федорович, для блаженства, после трудов недельных, праведных – баньку приготовил.

Чистилище – то в отличии от строений подобных, что в деревне «по – черному» без дымохода, Долгов с друзьями по – белому смастерил. Очаг для обогрева и воды горячей в прихожей сладил. Трубу, печь особую – железную с секциями под воду, камня парные, Гаврила Молодых по чертежам, Георгия Гапановича в кузне склепал.

Для жара сухого, трескучего, валунчики да гальку речную, что тепло подолгу держит, аж с верховьев реки Катуня привезли. Как уложить камни те правильно, чтобы нагревались быстро деда Сысоева мастера дел банных да печных в округе всей пригласили. Он же и место под стройку определил, что бы вода «поганая» скатывалась подальше от очага домашнего и соседям вреда не наносила.

Дрова не «абы – какие» а только березовые без коры, чтоб духа резкого да копоти не было. Полешки те мелко поколоты, «коротыши» по длине.

Главное, конечно из леса какого сруб сложен. Староверы только осину признавали. Древесина та правильно высушенная, тепло держит цепко, а вот прислонись к ней в бане горячей, не обожжешься, смолой не измажешься Бревна те мхом проложены, потому воздух в бане проточный, свежий, хоть и горячий, но для дыхания мягкий.

О пользе дерева и где его применять во благо здоровья, старообрядцы из поколения в поколения передавали. Старики веры старой поучали: «...Дерево оно как ни какой другой материал способствует превращению воды обыкновенной в „ЖИВУЮ“ ...а подношение любого напитка из глины, это что Земля и Небо....Божество Жизни и Смерти...».

Оно и верно, свойство глины, вторая «Соль Земли» полезна для лечения, хранения пищи со времен исторических.

Вот почему в баньке Ефтея ёмкости для воды холодной, горячей, ковшики, иная утварь банная из кедра, липы да дуба.

Настил из лиственницы, что от влаги не прееет не гнет, а «железеет» да крепчает. Не зря ведь вся Венеция на сваях лиственных, какой век устойчивость имеет.

Лежаки широкие, длинные, удобные для тела распаренного, вдоль стен прихожей расставлены. Под голову и ноги чурочки – вальки из осины навроде подушечек вытесаны, дерево то целебными свойствами богато если тело голое приложить.

Парная – здесь особый порядок, поверх бревен плашки осиновые в палец толщенной, но без гвоздя единого по бокам и потолку закреплены.

Полки широкие (*не путать со словом полочка*) в три уровня опять же из осины. Для устойчивости да крепости не гвоздем, а шпоном деревянным, чтоб не обжечься, скреплены.

Первый настил полка, для распарки, второй для прогрева, ну а третий, для пара проникновенного.

Но главное в торжестве всем банном – это веник. Здесь уж Гаврила Молодых мастер по заготовке «опахала» для тела брэнного, всеобщее признание получил, потому как секрет он особый знал. Только он терпения набирался, что бы нужную поляну с березняком молодым, широколистным, низкорослым отыскать. Ветки не все подряд, а только с отростком трехгодичным срезал. Но и это не главное, а другое, что срезать прутки тот надо на раньше не позже а в первую неделю после летнего дня солнцестояния, проще конца месяца июня, после праздника Ивана – Купалы. Тогда лист всей силой к стеблю приклеен, потому как природа «жухнуть» начинает, когда день летний на убыль пойдет.

Сушил Гаврила веники в прохладе, где ветер слабый гуляет. Бечевку льняную, прежде чем ею связывать прутья в воде вымачивал, а потому высыхая нить та, крепко накрепко стягивала пучок.

Ну а чтобы веники те не просто усталость снимали, но и «хворобу» изгоняли Гаврила Афанасьевич «приправу» чудодейственную, природную добавлял. В бутылках темных тот настой да взвар изготавливал из корней да трав ему известных, что кроме аромата душу и тело оздоравливают. Кроме того пучки малые нарезал и делал из соцветия полынного, крапивы, хмеля, череды, смородины да малины лесной. Заготовки эти при необходимости к венику березовому привязывал. Ох.....хо.....хо.....до чего же пар пряный, при всем этом в баньке стелиться.....дышать в двойне хочется....

На пол в прихожей и парилки всегда солому, полынью, траву луговую, подсохшую стелили, что бы ногам сухо, не скользко, приятно было.

Но и это еще не все из традиции банной староверов Сибирских

«Для здравности пушей», друзья купель соорудили. Рядом с банькой котлован выкопали бока и низ, доской из лиственницы уложили, мосток соорудили, для воды канальчик прокопали из речушки горной, что в Ишу впадала. Над всем этим навес соорудили. Вода проточная с родников таёжных зимой и летом удовольствие доставляло телу разгоряченному.

Что бы жажду утолить в предбаннике два жбанчика глиняных в одном квасок, в другом морс из брусники либо ягоды другой – лесной.

Но уж чаепитие, когда тело чистое, дышаться полнее и во влаге живительной нуждается более всего, это блаженство лучшее царского.

Для благости большей, друзья по вере православной, работе крестьянской для отдыха достойного беседку построили здесь же на берегу речушки, посреди рябин, черемухи, боярки, под ветвями что из соцветия ягод красных, жёлтых, листья зеленой.

На столе самовар золотом отливается, посуда для заварки чая, из самой близкой «заграницы» – Китая. На столике отдельном измельченные травы, листья, корни, что «испокон веков» в Сибири «чаями» назывались. На любителя в железных ярко раскрашенных коробках чай Китайский, Индийский.

Ни сахара, ни конфет, а только мёд янтарный, белесый, жёлтый, в сотах, кусочками нарезанный. Вода что в самоваре клопочет только родниковая.

Вид с беседки той неопиcуемый – гора Елтош – хозяйкой возвышается над округой всей, словно плывет в облаках небесных.

БОГ ТЫ МОЙ!!!

Взглянешь в эту синь небесную....ощущение счастья безмерного и Душа твоя парит в хороводе том Вселенском, бескрайнем – облаком чистым, невесомом.

Наш мужик сибирский – лобастый, коль на Руси родился. Каждому предмету, что без дела валяется, он такое заделье придумает, что порой целые маститые, да ученые конструкторы не в жизнь не догадаются. Вы на меня, мужики, не злитесь, за обиду не примите: – Костя Косарев речь начал: – Ведь всему нашему бытию, как ни крути, а голова то – бабья требуется.

Вот того, какой борщ она сварит, какую обновку в дом принесет, пусть даже и безделицу никудышнюю, как нас мужиков в постели утешит, да потешит, оттого и мозги наши мужицкие направление меняют, чтобы жизнь нашу делать более удобной, приятной. А бытие нынешнее, в котором мы сегодня живем оно изменилось, стало важнее ума одёжка на человеке, свадьба важнее любви, а похороны важнее покойника.

Ну, а дальше начинались беседы о том, о сём. Самое время душе увлажненной, насыщенной благоуханием аромата опахал из веток березы, лиственницы, полыньки и десятка других лепестков, что бодрят, молодят, освежают людскую плоть, голос обрести, пока гуща мужицкой жизни насыщена трудовой заботой, вдруг ушла в сторону. Бывало и спорили до посинения жил на руках натруженных, готовы в рукопашную схватиться, да пара ковшей водицы горной охлаждала ретивых, и начинались уже более толковые обсуждения жизни обыденной. Юрка Меньшиков прознав, что сын его опять набедокурил – залез напор дружков в огород Сазонихи, у которой в огороде самые лучшие арбузы произрастают, взял да и повыврал все, вот отец и спрашивает друзей однопарников, стоит за это выпороть отрока, либо иначе наказать? Вступился Иван Князев: – Ты, Юрий, через мягкое место тугие трудности, да привычки не выбьешь. Ты, вот-ка, что сделай, выведи сына на свой огород, да заставь его грядки, что мамка вырастила перетаптать. Верно, верно, говоришь! – добавил Иван Бжицких. Батагом, да кнутом дурь не выбьешь, а вот когда шкодник материн труд испоганит, на всю жизнь запомнит и детей своих тому же научит. Эх, мужики... – продолжил Бжицких: – Вернулся я недавно с городу, насмотрелся всего, и вот ведь, комедия в чем, на ум мне сейчас пришла. – Когда есть с кем чекушку опрокинуть, то места вроде много, а для уюта да беседы, такого местечка и нету. Вот, тебе и трагедия. Слушайте дальше, с другой стороны, есть место, где в тиши, да тенечке можно пригубить, да поговорить от души, глядь, а кругом пусто, не с кем душу отвести. Вот, те, и вторая трагедия. Все это как-то странно, особенно, когда есть где выпить и с кем желательно поговорить, то вдруг мыслью по башке, аж порой оторвать такую голову хочется от простой мысли: – А для чего пить вообще?! Вот уж, настоящая, мужики, трагедия.

Далее припомнили сотоварищи по баньке приезд ученого, аж из самого Томска. Тот, все вроде против миротворения божьего говорил, но удивил он другим. Оказывается, гора Белуха, на которую местные аборигены алтайцы смотреть опасаются, имеет три вершины, и что удивительно, все эти точки верхние по проекции с небес совпадают с неким созвездием Орион, с тем созвездием, по которому построены великие пирамиды в Египте. Вот какая гора Белуха у нас по соседству.

Кузьма Казанцев по всему добавил: – Чего братья, рассуждать, что свыше нашего разума? Вы, вот взгляните на свод небесный, в ночь ясную и увидите Иерусалимскую дорогу, то бишь путь млечный. А, по-моему, земляки, это не иначе, как межа, которую создатель мира нашего пробороzdил силой своей немереной, да звездочки разбросал, что как светильники помогают нам, и морякам в морях с пути правильного не сбиться.

Дальше, тары-бары... началось иное, как Демид Сысоев, говаривал: – Воевать мы умеем и умирать тоже достойно научились, а вот жить пока мирно да ладно, да с достатком, никак не удается. Вот кто, всему этому хозяин, кто это все мутит? Да все те же, кто к власти близок. Они словно с другой планеты на Землю нашу опускаются, покуролесят, поправят и далее в свой мир улетают, а мы здесь разгребай за ними все их задумки неуместные, особенно насчет землиматушки, да законов, что мужику выгоды никакой, а только тем, кто у трона воровать умеет.

К концу беседы порешили, сколько денег отправить в детские дома Барнаула, да Бийска, говоря при этом, что в такой стране, как Россия, богатой со всех сторон стыдно иметь детей без роду, без племени. Ну, а на последок, уже к вечеру, еще разок попарились, да искупнулись.

Казнь белогвардейцев

Еще до петушиной побудки, на окраине Карагайки со стороны Старой Барды из пред-рассветной мглы выехала дюжина подвод в сопровождении двух десятков солдат и офицеров белой армии. Судя по тому, как в бричках были впряжены не под две, а по три тягловые лошади от колес тележных, хоть и на сухой убитой дороге, оставался глубокий след. Знать груз хоть и не объемный, но внушительной тяжести. Среди всадников выделялись одеждами и бородами трое здоровенных мужиков. Это были воины «Дружины Святого Креста».

От автора. С началом войны между красными и белыми, те и другие искали в Сибири третью силу. Они нашли такую силу среди старообрядцев, которые собственно определяли отношение крестьянства, местного населения, купечества к меняющемуся правлению уже не империи, но и не новой России. Совет министров правительства Колчака в декабре восемнадцатого года вынужден был учредить главное управление по делам вероисповедания. Были созданы вышеуказанные дружины, только из числа старообрядцев, для поддержания нужного порядка. Эти небольшие отряды не допускали насилие в местах своего проживания. Занимались охраной, как своих хозяйств, так и в границах рядовых поместий и некоторых хранилищ колчаковской армии. В действительности они проводили политику сдерживания воюющих сторон и имели доброе отношение среди красных и белых. Хотя кто-то и возразит, что главное условие сторонников старой веры «вся власть от Бога», а потому не должна быть протипивление правящей партии, да только в то время царило всеобщее безвластие государства нашего. Вот почему воины дружины по справедливости, а не по законам той или иной стороны сохраняли свои селения, семейства и службы собственно несли в разных воюющих сторонах. Для отличия от войск, дружинники на папах носили отличительных знак – белый крест из материи.

Уже за поселком, втайне от остальных, эти бородачи встретились со старшим местной общины древлеправославной Сухоплечевым. Рассказали причину своего появления, а также, что по плану командования на случай невозможности уйти по Чуйскому тракту в Монголию и Китай, решено было везомый груз спрятать именно в этом районе. Следуя по Чуйскому тракту, этот отряд встретился с превосходящими силами красных, однако командир обоза – капитан, настолько грамотно отбил атаку противника, уничтожив более взвода красных, и вынужден был уже сойти с намеченного пути в сторону Старой Барды. А оттуда к этому таежному поселку, где обязаны при помощи верных людей из старолюбцев спрятать то, что укрыто под брезентом в бричках, а это не что иное, как часть золота: запаса российской империи. Правительство Колчака, видя падение своего правления, и чтобы не утерять, хотя быть часть богатства, решило определенное количество драгоценностей за границу через Алтай вывезти. Так что порешили: слитки и монеты, находящиеся в ящиках, передать староверам, а куда те его отвезут,

уже никому не было известно. Оставшиеся воины так и сделали передачу без всяких бумаг. Переоделись в одежду крестьянскую. Дали телеги, лошадей. Выдали им из везомого богатства по несколько фунтов золотых украшений и монет, чтобы те имели возможность где-то далее устроить свою жизнь. Четыре же офицера, в том числе и сам командир, получили очень тяжелые ранения в том бою, в Быстрянке на Чуйском тракте и нуждались в лечении.

Командование Красной Армии узнав, что какой-то небольшой отряд перебил почти взвод красноармейцев, решило отправить на уничтожение беляков роту интернационалистов. Командиром, в которой был некий Васька (фамилию автор по этических соображениям не называет), который отлично знал все эти места и куда по всей вероятности направился обоз белогвардейцев. Ибо он был ещё в тысяча девятьсот пятнадцатом году в числе переселенцев по проводимой реформе П. А. Столыпина. Но вместо труда крестьянского, прогуляв в карты полученные подъемные деньги, продав полученную бесплатно землю, занялся конокрадством.

Жители поселка, поймав с поличным вора, решили, что парень еще молодой, авось одумается, хотя по закону светила тому каторга лет на десять, да еще в кандалах. В общем отпущенный с миром прибыл в Новониколаевск (ныне Новосибирск). Сколотил банду из мужиков без морали, совести, способных ради наживы, невзирая на возраст, пол, способных убивать, грабить и насиловать. С появлением большевиков главарь шайки, уже награбивший, как говорится, на две жизни хватит, всё это спрятал в надежном месте и, по натуре, будучи авантюристом, примкнул к новой власти.

Поселковым Карагайки впервые пришлось узреть прибывшее красное столь странное воинство, состоящее из китайцев, латышей, чехов, венгров и прочих чужаков. Каждый одет в свою национальную форму, одно лишь – красная звезда либо красная полоска на головном уборе указывала, что рать эта – красноармейцы. От всей этой орды несло ужасом страха с запахом крови, ненависти, бесчувственности к местным жителям. Вот в этот день народ сибирский глубинки таежной узрел и узнал, что значит красный террор. Во главе этой команды еще на забытой сельчанами Васька конокрад. Одетый, с чужого плеча в красную кожаную куртку, лиловые замшевые, широченные брюки галифе, красные сапоги, видно снятые с какого-то генерала с золотыми шпорами. На руках кожаные перчатки, на папахе белого цвета ярко, словно шрам кровавый, красовался вместо звезды споротый с генеральских брюк красно-бордовый лампас.

Одежду кожаную главный начальник интернационалистов, несмотря на жаркую погоду, не снимал по той причине, дорогой читатель, что оказывается блохи и клопы – переносчики тифа не заводились в вещах из выделанной кожи животных. Об этом Васька еще по прибытие сюда, в Сибирь узнал, когда познакомился с местными аборигенами – алтайцами. Ночуя в их жилищах, был удивлен, когда его, чуть ли не заживо, съедали эти насекомые. Туземцы спали спокойно. От них то и узнал, что эти кровососы на дух не переносят кожу, почему и инородцы таежные шили себе рубашки,

брюки из кожи, как диких, так и домашних животных. С тех пор бывший переселенец, взяв это на заметку, носил только эту одежду.

Хочу, как автор пояснить, откуда в России оказалось столько иностранцев, что были сформированы не только роты, но целые интернациональные подразделения, как у красных, так и у белых.

Накануне империалистической войны в целях увеличения производительной силы в военной отрасли царское правительство пригласила из Китая более четырехсот тысяч граждан этой страны на заводы и фабрики, где производилось военное оборудование. Также для укрепления своих вооруженных сил были сформированы шестнадцать латышских полков, несколько венгерских, к тому же чехословацкое национальное добровольное воинское соединение из числа бывших австро-венгерских военнопленных составляло более восьмидесяти тысяч иностранцев. И в один момент вся эта масса чужеземцев оказалась в котле гражданской войны между русскими. Вот откуда, как среди белогвардейцев, красногвардейцев разных видов бандитских формирований появились наемники совершенно обособленные, обозленные и бесчувственные к судьбам русских людей.

Преследователи Васькиной группы, поняв, что опоздали, ушедший в тайгу какой-то обоз искать, что иголку в сене да боязнь напороться на засаду белых удержала от дальнейшего движения этого отряда вглубь тайги. По приказу командира согнали всех на площадь перед сельской управой. Отступающие белогвардейские раненные прямо на дороге, сделав перевязку перед поселком, окровавленные старые бинты не уничтожили, не спрятали где-то в стороне, а всё это оставили на виду. Васька же понял, что среди ушедших неизвестно куда были тяжело раненные. Наверняка они спрятались где-то в самой деревне, либо в округе, а потому, чтобы как-то утолить свою злость в неудаче и отчитаться перед вышестоящим командованием, решил командир интернациональной бригады найти, хотя тех раненных, что наверняка скрылись

и находятся где-то рядом. Объявил он всем жителям и своим солдатам о достойной награде, если кто-либо представит ему скрывавшегося рядом белое отродья. Два часа, что дал руководитель прибывшего войска указать, где скрываются беляки, вся деревня ответила молчанием, хотя большинство знало о месте их нахождения. Разозлило это всё командира. Вот тогда-то и увидели селяне настоящие изуверства, кровожадность, злость, когда то отпущенного ими на волю ворнака-конокрада. Найти укrywшихся врагов не так уж и сложно. При Ваське всегда с одной стороны терся пес – огромный кабелина черного окраса, который по слухам приучен жрать человеческое мясо, а потому одно слово хозяина: фас, искать, как это чудовище ринулось напрямик через чашу к месту обитания беглецов. Через час на площадь притащили разыскиваемых – лейбгвардии штабс-капитана, имевшего также звание есаула, двух поручиков, что в сотниках числились и подпоручика – лейбгвардии-корнета. Все были при золотых погонах, орденах, что за ратный труд еще в империалистическую получили. Окровавленный внешний вид от того

последнего боя вызывал даже сожаление и сострадание со стороны селян к этим истинным русским воинам бывшей Царской Армии. Только есаул да молодой подпоручик могли еще стоять обнявшись. Другие от потери крови и простреленных ног стоять не могли. Раны от сабельных и штыковых ударов на лице, груди и сейчас источали кровь, что от жары, пыли превращалась в яркие рубиновые сгустки и нависали гроздьями на форме и теле обессилевших воинов.

– Ну что, аника – воины, с ноткой издевательства в голосе, сидя на гнедом жеребце, – произнес Васька конокрад, – коли сами снимете золотые полеты, да цацки царские наградные. Поклянетесь служить в войске моем, так и быть выйдет вам прощение от Советской власти, а нет, так уж не обессудьте, истязания, смерть жестокою примете. Распнем несогласных на крестах из жердин осиновых, да на костре сождем, чтоб и духу не осталось.

Из пленных свое мнение по старшинству выразил лишь штабскапитан:

– Звание, офицерское погоны и награды мной заслужены, но не куплены, право всего этого лишит имеет лишь глава Отчизны, которой я присягал. Георгиевские кресты прикрывают мой главный крест – православный, что силу духу мне придает неизмеримую ни с чем, пред казнью страшной. Сей крест, я нес и несу достойно, потому, как Бог в меня верит, и я ему доверяю себя полностью. Быть распятым – не это ли высшая награда за благочестие мое и жизнь, подаренную свыше. Страшно мне, признаюсь и не стыжусь тех слез и стонов от боли. Ты, командир, победитель сегодня, но знай, нет твоего зла – абсолютной власти, тем более веру, что всевышний не спослал мне убить нельзя. Постараюсь всякую боль перенести, поскольку знаю, что должен уйти из этого мира достойно, только тогда будет мне уют и уют в Бездне Мироздания. Вы большевики отрицаете прошлое, знать отказываетесь историю народа же своего, а кто твердит такое, не имеет сердца. Все это, други мои, по несчастью говорю и решаю за себя, вы же иначе вправе поступить без осуждения, вам решать самим.

В ответ подчиненные лишь одно произнесли: «Честь имею!» – перекрестившись при этом по православному. А далее, не сговариваясь, истекающие кровью, эти офицеры, подняв всех тех, кто не мог стоять, вдруг запели молитву русского народа – государственный гимн прошлой России. И столько бесстрашия, отчужденности, призрения было в глазах и голосе этих обреченных на гибель русских мужчин, что согнанные насильно на это лобное место молодые и старые жители этой деревни вдруг подхватили слова гимна певшего смертниками. Вот уж этого никак не ожидали палачи – наймиты и самый главный среди них инквизитор. Он просто растерялся, но не посмел остановить происходящее. В отместку за такой промах, как отринутый обществом, навязываемый всем страх, Васька хриплым голосом приказал иноземцам оттеснить уже сгрудешуюся толпу, боясь, что сибиряки могут и вообще освободить пленных и свершить не просто неповиновение, а бунт. Видно испугавшись всего этого, Васька разрешил, кто не желает присутствовать на казни, уйти с площади. Бабы, девки, дети на сердце

слабые все разбежались по домам, осталось десятка два мужиков. Не решился главный сорвать воинские награды с офицеров, видно что-то осталось человеческое в этом садисте, но вот его подчиненные как уж возрадовались! Все эти иноземные карлики-пришельцы, оказавшись в большинстве, заимели простор для свершения злодеяний их, как обычной работы. Власть видно было этим иноплеменникам чужую кровушку проливать. Чудовищно, бесчеловечно, жестоко и неистово кромсать живую плоть. Лютость этих интернационалистов превзошла все ожидания стоявших в оцепенении крестьян. Принесли лиходеи мешок с ржавыми коваными гвоздями, что надергали с крыши старого амбара и, повалив свои жертвы, стали приколачивать золотые погоны прямо в плечи пленённых. Сверхшали свои деяния эти палачи основательно. Надев верхонки на руки, приноравливаясь, чтобы металл ржавых жал попал не в мягкую часть тела, а в кость ключицы, сустава. Молотком работали по очереди, смеясь и хохоча. Видно боясь, что истязаемые умрут раньше времени. Главарь распорядился принести ведро либо таз, когда подчиненные притащили сорванную емкость с колодца, то Васька концом сабли проткнул шеи вахмистра, потом самого молодого офицера. Нацедил полную принесённую посудину кровью казнимых. После этого оторопь и жуть со страхом всех стоящих взяла. Сбились в кучу стоящие жители. Истязатели не теряли надежды, что услышат крики обречённых о пощаде, но у них из глаз только слезы красные катились, стоны из груди вырывались. Не одной просьбы о пощаде не услышали палачи. Когда-то говорили в народе о проделках сатанинских командира новоявленного, а здесь селяне воочию поняли для чего с конокрадом бывшим, баба красивая на белом коне гарцует. То, была Катька – любовница командира национальности не особо уважаемой. Любительница была она в баньке попариться, а парок не просто водой из камня выгонять, а уж обязательно кровинушкой врага заклятого. Угара, да пара кровавого не каждый мужик стерпеть мог, а Катерина кайф любила, после такой процедуры, с парком из человеческой крови, дурела баба. Тело, своё на потеху часами отдавала кому не попадя. Радость дикую через слезы, стоны испытывала. Вот и сейчас, словно волки, двое подручных кинулись искать баньку подходящую. Прознали они про подобное строение в хозяйстве Долгова, но тот успел-таки спустить воду из котлов банных и загнал туда недавно родившегося теленка. В общем, навел такой срам в чистилище своем, что пришедшие ушли искать другое помещение. Нашли-таки на берегу Иши, рядом с мельницей некоего купца из Бийска. Баньку самодельную, который любил побаловаться с молодницами вдали от дома и глаз людских. Местные мужики, чтобы как-то прекратить эти издевательства, принесли крепкого самогона, чтобы закончился этот грех на земле их исконной, где ни разу капли крови невинной не проливалось. Истязатели хоть и инородцы, но к вкусу спиртного в России уже привыкли. Да еще дармовщина делала своё дело. Испили зелье то крепчайшее, а потому и над пленными прекратили издеваться. Вместо того, чтобы гвоздями приколотить

к распятиям офицеров, просто привязали их веревками к крестам. Полуживых в бессознательном состоянии врагов своих, побросав в телегу, вывезли на берег реки, где решили сжечь еще живыми. Прямо в зарослях пересохшего камыша, осоки, травы разной, что в округе в излишке была. Собрались на сие зрелище большая часть пьяной рати Васькиной. Пока собирали кострище, кто-то из пьяных бросил окурочек, видно Бог то всё видит, никто и не ожидал такого вихря страшного, что налетел, откуда не возьмись, да с такой силой всё закрутил, воспламенил травостой, что как порох горючий воспылал пламенем высоким, страшным. Лошади, что в бричку впряжены были, в которую свалены были смертники, привязанные к крестам, умнее людей оказались. Кинулись они через огненное кольцо прямо к воде. Палачи же перепугались, давя друг друга, потеряв ориентир в дыму, жаре, сбились в самом огненном кольце, где и задохнулись, сгорели. Мужички, что рядом, видя такое дело, спасти иноверцев не стали, а пленных с телеги, освободив от крестов, в лодку уложив, отправили по течению, сопроводить согласился Нефед Пономарев. Сплывившись за несколько километров и по устью малой речушки, добрались до Заимки, где хозяйничала, изгнанная когда-то из поселка Дунька Воро-

бей. Она и приютила гостей неожиданных и вылечила их. Ну, а что же главный затейник сие злодея? Он в это время в бане с Катькой утешался. О том, что половина отряда его смерть приняла по своей же вине, о пленных стало ему известно на следующее утро. К тому же видя, что местные настроены враждебно, к горстке оставшихся и обескураженных, и напуганных смертью сотоварищей вояк. Командир быстро собрал оставшихся и чтобы те молчали об истинной гибели подчиненных, приказал раздать имущество погибших. Да еще от себя каждому вручил по несколько золотых монет. Знал подлец, что никто не решится доложить его командованию правду, по тому как в такой орде закон воровской «Ты умри сегодня, а я завтра». Да и кто будет доносить на себя же, как под красным знаменем они творили грабеж, убийство, насилие над русским православным народом.

Казнь красных

В эти беспокойные времена общины староверов, особенно стали, нуждаться новостей, чтобы предупредить возможные нарушения своего уклада жизни и сберечь будущие поколения во всем этом хаосе начала гражданского столкновения, когда-то единого народа.

Староверы проживали в малых селениях, разбросанных по таежным дебрям на многих расстояниях друг от друга. Само расположение не было хаотичным, либо желание совсем скрыть своё местообитания от властей остального мира, а всё зависело, как удобнее поставить мельницу, как раскорчевать и очистить землю под посевы, быстрые доставки своих товаров из тайги, что давала пищу и прибыль.

Не забывая, что происходит в городах империи бывшей, заставило вновь народ православный вспомнить о соборности, как в старину, ибо понимали, что только крепкие сообщества в труде, защите самобытности древнерусской культуры, угодий и хозяйств может сохранить дальнейшее существование их веры.

Связь, как таковая, меж соратниками, по хозяйству разбросанными по горному валу, речушкам этой стороны, а также потаёнными скитами, где обитали священнослужители и хранители старой веры, всегда было на первом месте. Без знания, что творится в соседнем руднике или деревне заставляло прибегать к помощи иной, стародавней. Это и помогло, выжить в краю почти тысячу лет, не знавшего человеческого вторжения. Научились первопроходцы, как то узнавать первыми о появлении лихих людишек, начальства, купцов, иноземцев, разных новостях.

Так вот незаменимыми помощниками всей этой жизненной необходимости быстрого получения новостей о событиях разных, зову о помощи или сборе на общее дело, кто бы подумал, это были – СОБАКИ. Эти четырехлапые друзья сочетали в себе скорость гончего пса, смелость дикого зверя, навыки русской борзой, выносливость самого преданного, честного, исполнительного лишь воли своего хозяина. Одна легавая, хоть и специально обученная, за час преодолевала путь, на который пеший или конный всадник тратил полдня. Когда и от кого это повелось, никто не помнит, но для нужд необходимых в любом малом поселении, заимке, скиту тайному заводили верных друзей. Имелся свой Полкан или Барбос, способный и готовый по зову содержателя уходить в день или ночь, в любую непогоду в указанное место, неся на шее послание либо вещь. Обучал этой науке четвероногих друзей абориген – алтаец Есугей, живший на своем подворье за пару километре от Никольска, на берегу озера. Обычно ему приносили пять-шесть щенков из которых он выбирал чаще одного, нежели двух, кроме того всегда имел уже обученных ищеек-почтальонов. За большую цену мог вырастить также псину с помесью волка. Всё обучение длилось почти полгода, стоило не малых затрат, для того, кто нуждался в таком помощнике. В Карагайке у Гапановича, Молодых, Курановых и других состоятельных мужиков имелись питомцы Есунгея. Странно, что в народе этих животных звали «свистками». Вот и сегодня в самую полуденную жару из Старой Барды на подворье Тимофея Гапановича примчался чёрный, огромный пес, которого до этого принесла сука, слученная с волком. Потому кабель свободно пересекал все волчьи тропы, а ежели где появлялась стая этих зверей, то не трогали, пробежавшего мимо их, в общем-то, домашнего животного.

В специально сшитом ошейнике, защищающем от влаги и утери, была записка старого друга – Анисима Сентябова, служащего в управе Старой Барды. Он сообщил, что к концу недели в поселки: Еронда, Никольский и Карагайка, выезжает конный отряд под три сотни колчаковцев, для наведений нужного порядка. Ареста скрывающихся в этой стороне беглецов, уклонистов, раненных красноармейцев, а также сочувствующих власти большевиков. Руководит всей этой ратью полковник Белой армии по кличке Ботаник.

Собрались единомышленники с общин веры старой, пригласив своих друзей из числа татар, алтайцев, католиков поляков для решения, как обезопасить народишко, своих родных от насилия и возможных деяний греховных, от гостей незваных. Какими бы разными по убеждениям не были эти потомки славян, но вот отношение, получившим мужикам, ребятам в схватках боевых меж двух воюющих сторон, было одинаковым. Не взирая, кто ты: красный или белый, потому как хоть и воевали мужики на разных сторонах, а все ж были с одного края сибирского, а потому и здоровья набирались вместе в одном подворье. По наказу старших и приютивших о прошлом своем разговоры не вели, но вот что странно: выздоровев, на прощание выпивали, Богу, молясь перед иконой, просили Его не допустить их новой встречи для пролития крови. Вот уж она, суть славянской плоти и души. Если ж потом сеча сводила родных по крови, то бились мужики на совесть, жестко, беспощадно, казалось бы, бесчувственно, как когда-то по-варварски, люто, неистово. Последний удар наносили, так чтобы не мучился соперник – смертельный.

Вот таких подранков в каждой деревне, вышеперечисленных до дюжины, а где и боле было. Главное же то, что население не дюже радовалось колчаковцам. Потому как жестокость с их стороны не хуже и не лучше была, чем от войск новой власти.

Собравшиеся в прошлом добрые вояки не одну войну с врагом завершили, по-военному решили, что карательный полк колчаковцев наверняка всей силой не двинется в какое-то одно село, а наверняка разделится по три группы, как раз по сотне бойцов. А оно так и было. Поэтому решили в Никольск вообще не допустить оккупантов, потому как там боле всего изуродованных в боях или раненных на сегодня находилось скрывающихся молодых людей от обеих воюющих сторон, тем более что эти молодые люди, более-менее ставшие на ноги, делали добрую работу в поселке. Делали новую мельницу на горной речушке, да валили лес строевой для постройки будущей школы, так что бывшие вояки перед тем, как уйти, каждому на свою сторону за лечение да за приют отработывали с лихвой всю эту работу. Решили мужики всё по-простецки: использовать для недопущения вражей силы, настроенной агрессивно, пчел да поросят использовать. Дорога то в Никольск она одна через лощину болотистую проходит, только один мостик «чертовым» прозвали. От того, что подъезжая к нему, вечно что-то ломалось. Ну, а если это место объезжать, то ехать вокруг через селение Кожа за полсотни километров по горам. Ну, а теперь поясню тебе, читатель, суть задумки мужиков-сибиряков. Суть в том, что лошади по натуре животные пугливые, видят плохо и то боковым зрением, а главный её козырь – обоняние. На запахи у них особые отношения: на дух не выносят они запах цветка шалфея, запах свиной, тем более испрожения этих парнокопытных. Присутствие же волка за версту лошадь чует и если посреде дороги волчара помочится, или метку иную сделает, то бедная животина уже не слушает седока, начинает дуреть, брыкаться, сбрасывает сидящего и несется куда попало. Страх на конницу наводит также небольшая стая пчел. Ведь казалось бы для такой животины пять-шесть укусов этого жужжащего насекомого ерунда, ан нет это приводит к смертельному исходу. Так что хозяева всех этих урочищ, полей перед выездом в лощину с тем сатанистским мостком отправили людей, которые по бокам в кустах от переправы укрыли ульи. Ну, а поросенка, чтобы не визжал, хрюкалку колпачком заткнули, да в болотце в железной бочке с дырками меж деревьев подвесили. Волчья стая сразу учуяла наживку, которая с испугу дух испустила вони невозможной, так что конница из первой сотни верховых, как вьючных, тягловых еще до подъезда к «чертовому мостику» вдруг стала испускать дикое ржание, волнение, а потом и вовсе взбесилась. Начала скидывать седоков, ринулась во все стороны: часть в болото, где погибель свою нашла, другие в суматохе, пытаясь выбраться из топкого места, ногами забили нескольких бойцов насмерть, кто-то начал стрелять. Тут еще мужики, что притаились с ульями, палками постучав по верхушке, взбудоражили пчелиные семьи и открыли крышки домиков. Стаи тысячи пчел, разозленные, накинулись на всё живое, что шевелилось и сопротивлялось.

Так что по темноте от всей сотни доблестного войска менее половины вернулись в Старую Барду полностью без обоза, потеряв без боя более тридцати солдат, утопив пушку вместе со снарядами и два пулемета.

Главный же командир с двумя сотнями, еще не зная от конфузе с одним из его подразделений, тоже оказался с двумя сотнями в подобной ситуации. В западне у старого русла горной речушки, впадающей в полноводную Ишу на пути к Карагайке. Слева высокая вершина горы Елтош, на которую нет дорог, а справа более десятка километров болотистой местности. Ну, а посредине речушка с разобранным селянами мостком. Для служивых заново навести переправу не помеха. Рядом березовых, да осиновых околков на любой выбор. Да не тут-то было, как только казачки поднялись, чтобы нарубить лесин нужных, селяне Карагайки, что припрятались вместе с ульями в лесочке, взбудоражили пчелиные семьи и выпустили тех на свободу. И вот эта вся пчелиная злая масса, оказавшись где-то вдалеке от родной пасеки, ринулась на живых лошадей и воинов, нанося такой вред, что практически без боя более дюжины солдат. Почти сотня лошадей разбежалась в разные стороны. Всё это живое, человеческое, наполненное кровью, а также сладко-потная конская масса начинает махать, брыкаться, орать матом, изрыгая из глоток вонючий запах табака и спиртного. Война необычная – слона с моськой, где этот малыш оказывается победителем мудрым, ловким, супротив этих огромных живых существ. Убежать, укрыться от этой мошки жалящей невозможно. Все места доступны для укуса и во всей этой суматохе, так что прятаться бесполезно. Боевой рубака с пикой, карабином, да наганом, с гранатой ничто супротив этой малюсенькой, жаждущей отмщения, пчелки. Лошади на дыбы, всадник об землю мягким местом и бегом туда, к блестящей на солнце болотистой водной глади. И топнет среди кочек в сапогах, в амуниции. Мало того, прямо на виду у остальных, что по взгоркам начала бегать, вдруг полсотни волков появились, учуявших спрятанного среди кустов перед переправой вонючего поросенка. Во многих местах пыльную дорогу волчары пересекли, оставив свои следы с запахом терпким, страшным для лошадей. Эта стая зверей, на запах животного в коробе железном, устремилась, а бедный поросля с испугу стрельбу из желудка открыл, да таким жутким ароматом, что животное и даже человек с трудом переносит. Оставшиеся пару часов в живых, но без половины подвод, боеспособные воины прибежали на взгорок, где находился их командир.

Умный оказался Ботаник, видя такой исход, отвел подальше, оставшихся бойцов за сопку. На этот раз разведку выслал из числа наиболее смелых, да умных карателей. Те, через пару часов выяснили причину происшедшего. Командир решил ночью не рисковать, а только с утра пораньше все-таки продолжить движение для выполнения своих карательных задач, но уже в обход этого злосчастного места небольшой тропой, что вели к зимней дороге, вдоль заросшей согры «болота».

Мы же пока постараемся рассказать, что из себя, представляет командир колчаковцев со столь странным прозванием?

Родился и вырос он в семье состоятельного дворянина, родовая фамилия славилась доблестью воинской, так и чиновничей службой Отечеству. Деды, отец, другие родственники православные, богатого сословия, добрые славные традиции уважали. К крестьянам, людям, что по дому и хозяйству работали, относились с уважением. Барин наш успешно закончил столичный университет, экономической направленности, дабы продолжить дело своего отца. При этом странно как-то любил цветы, но не их красоту и разнообразие, а создание своими руками и знаниями новых сортов и любил дарить эти цветы. По характеру общительный, в общем «путный малый», как говорили близкие. Политику считал уделом людей без чести и совести, а здесь вот он переворот, мятеж, бунт в стране, восстание народа, а перемены всей спокойной, предрешенной, дальнейшей жизни. На глазах этого гуманного юноши бывшие крестьяне под агитацией неких пришлых интернационалистов да социалистов, устроили погром в имении. Ворвались толпой, где хозяева готовились к вручению молодого барина с прибившей аж из

первопрестольной красавицы невесты. Пришельцы, порушив запоры на винном погребе, вылакали спиртное, вытекли на улицу, ну а началось веселье вперемешку вначале с малым хамством, насилием над «барями». Тут хозяин не сдюжил, дал в морду какому-то матросику, тот поднял рёв и тут кровь полилась всего семейства богатеев. Зачинщики и организаторы все с другой местности. На глазах некоторой части сочувствующей своим покровителям, изнасиловали жену хозяина, малолетнюю дочку владельца усадьбы, а затем и невесту будущего собственника всего хозяйства. Когда отец с сыном решили вступить за поруганных женщин, схватили ружья, шашку, то пьяные защитники нового строя сбили тех с ног, избили до потери сознания. Заставили местных крестьян выкопать яму, куда сбросили живых хозяина дома его жену, обесчещенных дочь и невестку и живыми закопали, а связанного сына заставили всё это издевательство смотреть. Избитого полузадушенного на петле из длинного бича, коим скотину погоняют, молодого человека на месте захоронения живых родных людей, привязали к кресту. Этот памятник злодеи вырвали с могилы родного деда – героя Цусимского сражения. Только nasledующей день, вся эта орава пресытившись кровью своих жертв, покинула оскверненное поселение. Оставшиеся в живых добрые люди сняли с распятия молодого барина, доставили в городскую больницу, где только там и пришел в себя. Уже через месяц, оправившись от пережитого, повзрослевший в миг, изменивший своим добрым идеалам, поседевший, уже зрелый мужчина в должности офицера воевал на стороне Белой Армии. Это был уже бездушный, злой, кровожадный, отчаянный и очерстевший душой не человек, а деспот. Его девиз: « Кто более жесток, тот и побеждает». Но после боя, либо казни он вдруг преобразался, и если позволяло время, уходил в поле собирать цветы и, приходя в часть, отдавал их молодой медсестре, очевидно, вспоминая свою любимую.

Чрезмерная жестокость к врагу, смелость такая, будто он искал гибели, полное безразличие к наградам, стяжательству, накопительству, частые удачи в боевых операциях, всё это было отмечено командованием. И вот уже через год, любитель цветов, получает звание полковника, а за глаза прозвище «Ботаник». Оказавшись на службе Колчака, наш почитатель нежных растений, добивается создания батальона по своему усмотрению. Формирует три сотни бойцов из тех казаков, что были вынуждены покинуть свои станицы Дона и Кубани, потому как пролили там много безвинной крови в родных краях среди сородичей, односельчан, воюя как на стороне красных и белых. А сейчас, оказавшись в безысходности, оказались в армии Колчака. Не гнушался полковник принимать на службы бывших убийц, насильников, грабителей, а еще и интернационалистов, что не прижились у большевиков за свою кровожадность и изуверство. В общем, рать безбожная, беспощадная, живущая по волчьим законам.

От автора. Если волк из стаи попадал в капкан и не могу выбраться из ловушки, он обречен на съедение остальными животными, но удивительно другое: если самка оказывалась в ловушке, то самцы не трогали её, а даже для поддержки приносили пищу. В батальоне Ботаника особо не церемонились с теми, кто во время боевых действий терял недвижимость и мог задерживать движение подразделения, особенно при отступлении, таких просто расстреливали. Поэтому, боясь пули от своих же, бойцы скрывали ранения, до прибытия на позиции. Боеспособных воинов для дальнейшего похода на непокорных жителей от двух сотен осталось всего человек сто двадцать. Боеприпасы с расчетами для двух пушек потонули в непроходимой трясине. Ранним утром вместе с туманной дымкой, со стороны Ишы, вся эта злая, разноликая, многоязычная масса наконец-то ворвалась в поселок в двух сторон. Хуже любого зверя вся эта орда растеклась по подворьям в поисках злоумышленников, прятавшихся от колчаковцев. Каким бы жестоким нравом командир этой лихой команды не был, но не допускал он распития спиртного до окончания выполнения военной операции, а главное под страхом смерти расстрела не допускал случаев насилия над несовершеннолетними девицами. Женщинам старшего возраста, незамужним, по обоюдному согласию дозволялось общение с воинами. Но вот если чей-то возлюбленный был на стороне врага и попался в плен в поселке, то судьба

девицы решалась на усмотрение командира. Потому как пришельцы не по слухам знали, что сибиряки народ хоть и добродушный, но в случае бесчестия молодых девиц с рук не спускали. Мстили жестоко, до смертоубийства, идя при этом на верную гибель, но честь девичью отстаивали бесстрашно все силы ходячего населения.

И надо же такому несчастью случиться. До прихода белых к Аленке Косаревой накоротке заскочил с ближней заставы служивый разведзвезда Красной Армии самого Мамонтова – Измаил Ибрагимов. Молодые уже давно венчаться собирались, а потому по приезду, устав от объятий и ласк, не заметили прихода врага. Уснули крепким сном на сеновале омшаника – место, где на зиму улья вместе с пчелосемьями заселяют. Вот белогвардейский разъезд и заскочил в это отдаленное от деревни Карагайки уголье. Сразу увидев коня из чужого отряда, поняли, что где-то скрывается «краснопузый», да не простой, судя по армейскому не самодельному седлу и притороченному сбоку полевому снаряжению: бинокль, кожаная сумка с картой местности. Всё это возлюбленный бросил здесь же под навесом домика для пчел. Так уж торопился к своей любаве. Повязали того разведчика, да быстро, что тот спросонья, ничего не поняв, продолжал твердить, что не сам покинул пост, а с разрешения старшего, видно пытаясь отвести подозрения от Аленьки, что девицу, рядом впервые видит и не знает, а она ему лишь поесть принесла. А он от того, что двое суток в дозоре находился, вот и прикорнул. Аленька, пока чужаки возились с Измаилом, успела добежать до покоса, где отец и другая родня работали. Иван Гаврилович решил уговорить заезжих вояк, те вроде уже и согласились за четыре фута золотого песка коня да флягу меда, отпустить будущего зятя, да не успели. Заявился на подворье сам командир всех этих мародеров.

Как он увидел Алену Ивановну, девицу, не познавшего еще мужчину, помысел, всё сознание и кровь на дыбы внутри у Ботаника поднялось. Обличие незнакомки – копия мечты его прошлой, той кто мужицкому надругательству и смерти подверглась. Его Ольгу благочестивую в сырой глиняной яме заживо закиданной навозной жижей и землей закопали. На мгновение, как будто сердце у Ботаника остановилось, всё нутро наизнанку вывернулось, разум туманом красным покрылся. Вот она – его откровица, дева белица, гений непорочности, суть всей женской стати, привлекательности, очарования, та же изящная обаятельность, неотразимость прелести благолепия неземного. Какова пленительность очей, губ, груди, окружности плеч, колен, всё это полно жажды желания юности стать наконец-то женщиной. И как в этой таежной глуши такая пригожая краса уродилась. Откуда благородная утонченность в изгибе девичьих бедер, черных ресниц, бровей, карего блеска глаз, это не крестьянское сословие – нет, не может такого быть, еще минуту и ринулся бы лихой офицер к этому девичьему извоению со всей той любовью, что была затоптана в грязной могиле, но было то, что помешала доброму порыву. Тайна никому неизвестная мучила, томила тело этого здорового, красивого и статного на вид офицера. После утраты любимого человека, исчезло желание находиться в этом хаосе непонятных ему событий. Из мести, горести он не раз пытался сблизиться с разными женщинами: порочными, развратными и теми, кто терял от его внимания голову, но только как необходимо было быть просто мужчиной, самцом, как лик Ольги сметал все желания, обожания, страсть и началась дикая боль, немочь, отвращение к самому себе за эту непонятную безумную слабость и нежелание испытывать вождения и обладания женщиной. И вот сейчас этот голос из вечности, отводивший его от греховности, вдруг стал внушать грубо и насильно совершить обратное. Пока не исполнишь подобное деяние над невинной душой, что сделали с Ольгой, твоё влечение к ушедшей благоверной не исчезнет, а ты, истекая соками мужского желания, утратишь всю мужскую силу, лишишься ума. Стоп!!! Неужели я достоин такой учести, а стоит ли, как судьба какой-то таежной простолюдинки того? Кто она и кто ты, личность достойная уважения, благодати, достатка и заслуживаешь полное право судить других, и ради своего счастливого будущего ты должен исполнить подобную казнь в отношении стоящей перед тобой жертвы. И этот бес напевал так громко и настойчиво, что полковник уверился в

правоте и справедливости казнить это прелестное создание. Оказался смелый в подчинении этого дьявола, но все-таки что-то человеческое еще боролось в нем. Подойдя к колодцу, не снимая пропахшую потом одежду, амуницию, офицер самолично достает одно, второе, третье, четвертое, ведро студеной влаги и выливает на себя. Вместе с полученной прохладой твердеет восприятие всего происходящего и окончательно решает, отринув все прежние моральные устои среди люда православного, устроить здесь же во дворе, проверку своего решения, словно отрезвел полковник от тяжелого похмелья. Приказал разбить лагерь, на ночь, глядя, прямо здесь, в стороне от деревни, где из жилищ амбар, мастерская для изготовления телег, небольшой домик и этот амшаник, где застали влюбленных чуть в стороне с широкой и низкой крышей. Небольшая банька да старая изба для летнего проживания. Всё это хозяйство на берегу речной заводи Иши. Судя по развешенным сетям, рыбы здесь водится в достатке, а значит, солдатам будет свежая уха обеспечена. Рядом загон для скотины, где овцы, несколько дойных коров, всё это было решено под расписку, изъять для нужд армии. У Косарева, хоть и небольшое хозяйство, но чтобы как-то смилостивить гостя незваного, решено было за спасибо на пропитание отдать свинью, пару овец. Всё семейство было в ожидании, как поведет себя дальше полковник и его охрана – человек двадцать. Среди них четыре казака, судя по лампасам с донских просторов, четыре китайца, пара мадьяр, четыре латыша, остальные русские совсем молодые ребята. Начал командир с того, что подозвал хозяина всего подворья:

– Дочка, что с красноармейцем была, она тебе родная?

– Да, господин полковник, семнадцать годков исполниться, вот обручение на следующей неделе решено провести, война то войной, а кому-то в будущем надо хлеб расти, да убирать.

– Ты мне мужик политику не пой, а отвечай прямо на вопрос. Значит девка твоя не замужняя? Но спуталась с врагом и промеж ними, кроме любовных утех ничего не было?

– Никак нет, вот те крест батюшка.

– Никакой я тебе не батюшка, а командир доблестных войск адмирала Колчака, а потому слушай мою волю, если Аленка твоя согласится быть моей наложницей, подругой, но не женой, так и быть, пристрою её в свою сотню. Ну, а жениха выпороть до крови и в сторону красных отпустить. Ежели отказ получу от девки вашей, то прикажу заживо её закопать, где вам угодно будет, а суженный её пусть всё это видит и с виной той жить продолжает. Не хочу я обесчестить твоё семя хозяин, но и поступить иначе не желаю, за те дела, что ваши поселковые учистили на моем пути. Имею я полное право деревни ваши сжечь дотла и вас здесь всех перевесить. Ну, а раз такое приключилось, даю вам час на раздумие, так что всё решать твоей дочке. Хочет жить она со мной без всяких там брачных уз, значит, жива будет, а нет, то перед вечным упокоением, мои солдатики, кто захочет, попользуются её красотой.

Собралось всё семейство, и так и сяк решали, но вот Аленка не дала своего согласия:

– Ройте, батя, могилу мне, вон домовина, то есть, что дедуня себе мой сколотил, церкви потом меня отпоете.

Попросила еще икону Богородицы. Переполох в деревне всей, не было еще такого, чтобы человека, тем более девицу невинную так жестоко казнили, а перед этим еще и обесчестили. Да все понимали, что открой тогда они ворота деревенские, да хлеб соль победителям выставили, может, и не было бы такого страшного последствия. Все-таки решили деревенские люди, как-то уговорить командира. Через час представители, уважаемые от староверов, мусульман, язычников алтайцев, да и прибывших католиков с поселка Тайна во главе со старостами этих деревень, с повинной пришли на заимку Косарева Ивана Гавриловича, просили любой оброк исполнить, лишь бы девчонку от позора уберечь. Ответ полковника, по военному времени справедлив, хоть и суров:

– Вы мужики, посчитай, полторы сотни моих бойцов покалечили, полсотни лошадей утеряно, но приглянулась мне ваша молодуха, коль захочет стать она моей, пойду вам на уступки. Места здесь глухие. Так и быть не порешу ваше хозяйство, а вот налогом вас таким обложу,

чтобы все потери мои восполнили, а кроме этого десять новых бричек с овсом, медом, салом, маслом и спиртным моим бойцам на недельный срок и чтобы пока мы здесь находиться будем, никаких обид в отношении моих воинов. Ну, а на счет того, чтобы молодуху вашу не сильничать, поговорю с солдатами, как они решат, так и будет.

Собрал Ботаник всю свою военную братию, обсказал условия свои и пожелания старейших сельчан насчет Алены. Мужики вояки – православные, те все отказались от желания глумиться над дитем невинным, а вот наемники иноземные, те потребовали взамен утехи с девицей по сорок монет золотой чеканки, таковых человек двадцать набралось. Через час сельский староста принес, то, что хотели так называемые интернационалисты. Родители родственники Алены, в слезах, один дед, видно умом рехнулся, ищет лопату, что поострее, а найдя такую, еще и точить принялся. От звука этого еще тошнее стало всем, кто на дворе был. Как-то странно и для чего убедил этот старый Ботаника, что яму для захоронения внучки разрешить копать под навесом у стены амшаника, мол, при любой погоде будет в сухости, упокоенная кровинушка находится. Полковник на всякий случай решил осмотреть строение изнутри, ощупал, осмотрел всё, заставил от стены убрать поддоны и коробка старых ульев, устройства для выгонки мёда. Стены крепкие, из кедрача, пол вроде земляной. В общем, никаких подозрительных причин для рытья ямы под заклятие и возможности освобождения закопанной в землю девицы, он не обнаружил. Осмотрел также офицер сделанный дедом для себя гроб, не заметил, правда, что одна боковина, уже наполовину прогнила и чуть надави в этом месте – доска развалится. По приказу старшего копать дозволили родственникам, под присмотром двух воинов. Рыть могилу начал дед Ерофей прям у бревенчатой стены. Подошедший отец Аленки еще попытался высказать недовольство:

– Что ты, мол, старый, совсем умом тронулся, вплотную к бревнам копаешь.

Дед же, отведя в сторону сына, всего-то и сказал тихо:

– Ты, сынок, поди, сам знаешь, что под полом то, внутри постройки у нас подвал обустроенный плахами для тайной кладки разной и что улья больно буйные. Благодарю Бога, что полковник пол не простучал да не обнаружил люка, что я землей присыпал. Так, что уловите момент, чтобы старший сын Авдей незаметно в омшаник проник через люк в тайный схрон и спуститься. А я как начну копать, метра через полтора, чтобы доски не видны были, он пусть пруток просунет, чтобы не обнаружилась сто стороны воинов та стенка из трусливых тесин, глядишь, и спасем так внучку нашу.

Понял Иван Гаврилович задумку отца своего старого. Хватит, говорит, бабы ныть, вы лучше устелите домовину, где чадо схоронем. Омойте, оденьте, священник пусть сделает, что положено перед похоронами.

Полковник же, чтобы горче Аленке сделать, призвал добровольцев, на глазах публики решил вырезать звезду у жениха. Вызвались опять же за плату определенную трое китайцев, да латыш один. Крепкий оказался разведчик, когда повалили навзничь, да начали кромсать клинками тело молодое. Красноармеец губы молодые до крови сжал, искусал все, пара передних зубов на половину лопнули, кровь горлом пошла, слезы красные залили кровяной пеленой и, но не издал больше никаких звуков. Аленка только глаза закрыла, упала навзничь, прижала икону к груди, о чем-то молила.

Полковник из уважения к мужеству противника своему вернул коня. Привязав, истекающее кровью тело и отдал сельчанам на их усмотрение. Те быстренько к знахарке Матрене потерявшего память солдата отвезли, через неделю выходила чародейка красногвардейца.

Ну, а дальше белый командир, предвидя дальнейшие непредвиденные действия со стороны жителей, всех, кроме родственников Алены, удалил с заимки. Сам же с двумя

десятками подчиненных с интересом наблюдал, как спокойна девушка, исповедавшись перед священником, попросившись со своими родственниками, спокойно легла в гроб. Крышку забивать гвоздями не решились и сами родственники под десятками глаз белогвар-

дейцев совершили погребение. Полковник для верности заставил пять-шесть солдат попрыгать на месте захоронения. И еще подсыпать, чтобы больше холм получился. Вся охрана, не смотря на приказ, насчет спиртного, успела уже выпить больше, чем на свадьбе, а не на похоронах. Но уж после погребения, как говорится, сам Бог велел родственники выставили на другом конце построек под навесом десятки бутылей крепчайшей самогонки, что даже сам Ботаник не удержался, хряпнув два стакана сивухи, настоенной на смородине и малине. А дальше дым коромыслом, откуда – то бабы одинокие, чьи мужья погибли на полях сражения. Молодки, что до мужиков чужих охотчие появились. Тут и офицер наш через час почувствовал, как сбывается вещенное дьяволом, что он наконец-то, свершив казнь, будет желать любую женщину. Так, что дьявольский голос продолжал шептать забытому про свою Ольгу. И Ботаник, испив еще изрядно, прямо на берегу реки занялся любовью с молодой девкой из соседнего села, да так, что разделся догола, задурев от избытка мужицкой удали, бегал от одной бабы к другой, утоляя жажду плоти за столько лет изнывающей от недостатка утраченного удовольствия.

Алена, что предстоит возможное её спасение, узнала в последний момент, прощаясь с родными. Странно, казалось, всё конец настал, пока не почувяла звук ударов о боковину гроба. Уже задыхаясь, учуяла запах свежий, хоть и затхлый в своем пересохшем горле, а потом руки брата. Полчаса сидения в подвале в жутком ожидании, что вдруг кто-то из стражников, что охранял могилу, может войти в помещение и люк потайной обнаружить, но всё кончилось благополучно. На улице на свежем холме пара бутылей и двое часовых на ногах стоять уже не могли, а свалились на свежую землю, разбросанную возле могилы, приказ исполняли: на месте быть, пока не поменяют. Погребенная, через малое отверстие, со стороны не видимое охране, вылезла потихоньку на свободу и скрылась в близлежащем кедраче. Никто, кроме деда и брата, всего этого не видел. Только через час, придя в себя от всего пережитого, Аленка кинулась туда, где скрывался её возлюбленный. Тот, будучи в беспамятстве, но увидев самого дорожного человека, воспринял это за наваждение, впал в сон, да такой крепкий, аж надвое суток. Аленка, стараясь смыть с себя всю эту напасть, холодный пот, что омыл её, пока она в гробу находилась, решила в теплой реке омыться. Поднялась вверх по течению, да нырнув в чистую, теплую, горную влагу, как в детстве, словно рыбка вьюнок, накупалась до усталости и по течению с мыслями добрыми поплыла. Луна полная, словно готовая родить. Начало июльской поры ублажала своим светом, успокаивала и влекла куда-то вдаль молодую, здоровую, уже свободную женскую суть. Аленка и не заметила, как оказалась посреди реки, как раз напротив того места, где торжествовал её истязатель, всё еще обремененный плотским желанием к посторонним женщинам. Полковник, уже в хорошем настроении, изумленный яркой луной, парящей над ним, тихим плеском широкой реки, вошел в воду по грудь и увидел посредине реки в белом одеянии Ольгу, плывущую прямо на него. От испитого винного напитка это явление настолько реальным предстало перед глазами его, что он закричал;

– Ольга, Оля, Оленька, я иду к тебе, подожди меня!

Аленка очнувшись, вдруг всё поняла, она знала: чуть в стороне омут страшный и сейчас он не видим, но именно в эту сторону несло её. И плыл к этому зловещему месту её погубитель. Полковник полностью уверившись, что на яву видит только свою Ольгу, еще сильнее поплыл и вот-вот его затянет тот круговорот. Аленка, поняв, что того ждет неминуемая смерть, своим благородством переступила через ненависть к своему врагу и стала махать ему, показывая, чтобы тот возвращался на берег. Но Ботаник уже попал полностью в плен своего воображения и еще сильнее ринулся догонять свою Ольгу, ни крика, ни стоны, только легкий всплеск и тело, сотворившее столько греха, тихо,

спокойно, со счастливой улыбкой от встречи с чем-то необыкновенным, дорогим и вечным скрылось в водной глади. Тело полковника обнаружили ранним утром без следов насилия, никакой комиссии, разборов. Командование решило, что это просто был несчастный случай. Алена же, чтобы не вызывать подозрений, этой же ночью удалилась в дальний скит одного

из отшельников, где и продолжала жить, а затем, встретившись со своим любимым, вышла за того замуж и родила двух сыновей и двух дочерей. В деревнях же Карагайки и Тайна, до сих пор ходит легенда о девице, которая будучи заживо захороненной, течением подземной реки была вынесена в реку Катунь. И часто является одиноким путешественником при яркой луне, плывущей и взывающей к спасению тех, кто пытается ночью уплыть далеко от берега, любуясь небесным светилом.

Сказ

*(Последняя молитва православных).
(Слово ПРАВОСЛАВИЕ – умение славить Бога, и говорить с ним.)
«Возрадуйтесь и молитесь, что бы ни впасть в искушение
Дух бодр, плоть же немощна (Мф 26.41)
Молитва – Важнейшая духовная жизнь верующего,
Обращение сути человека к Высшему Существо и его посредникам.
Есть молитва – СЛАВОСЛОВИЕ – это когда личность
переживает
радость при встрече с Богом, произнося: «Аллилуйя!»
(Слава Богу, аль-Отец, иль – Сын, уйя – Дух Святой*

Другие молитвы, это прошения и благодарения.

«Черная Троица», так в народе прозвали группу «Красного террора» (Комплекс карательных мер, новой власти, бес суда и следствия, против классовых врагов провозглашена 5 сентября 1918 года, в виде закона, где имеется мера наказания – расстрел.) Прибыла в Никольскую округу в теплый сентябрьский вечер.

Что бы представители «террора» действовали более смело, нагло и решительно, как правило, набирали туда исполнителей из тех, кто когда-то, по каким-то причинам оказался в Сибири, из других губерний. Все это для того, чтобы не было ни каких родственных связей у этих представителей новой власти с местным населением. Были среди них и отъявленные уголовники, которые в ходе революционных преобразований оказались на свободе: «Глядь, а здесь, оказывается, и грабить и унижать народ можно, все по правилам, по мандату от высшей власти. К тому же паек приличный, зарплата по выше, рабочего да и кожаная тужурка, порой тщедушному телу чекиста придавала воинственный, грозный вид». Руководили такими отделениями, так называемые интернационалисты: чехи, венгры, поляки, немцы и даже китайцы. Так что при необходимости законный террор, превращался в чисто бандитский грабеж, насилие, жертвы. Какую защиту и объяснения можно получить от «неруся», который в русском языке «ни бельмеса» не соображает, а потому озлоблен, что его плохо понимают.

Пока еще выбранному народом старосте приказали срочно вызвать в здание, где располагалась ранее заготконтора, а сейчас сельский совет, Вараксина Евлампия. Этот огромного роста, семидесятилетний мужик не уступал по силе и сорокалетнем. Он был самый опытный в той стороне притаёжной, хлебобоб, или как сейчас говорят агроном.

Причина появления столь грозной силы, да еще с двумя вооруженными верховыми, ни чего хорошего деревне не предвещало. Обычно, подобный наезд заканчивался арестом двух-трех местных жителей, и повозками с медом, мукой, орехом, копченостями и прочей снедью. Это был своего рода откуп в чем то, виноватых перед властью крестьян, которые сумели все-таки, договориться. Что бы, не попасть под суд либо арест.

Всем, как правило, руководил старший – некто Франческо, якобы «друг самого Троцкого». Кто он по национальности, где родился, воевал, ни чего неизвестно, но вот по-русски говорил четко, внятно, мог изъясняться по-французски и немецки. А еще все знали, что шибко падкий, этот иностранец на женский пол. Правда, молодежи не трогал, обходился вдовицами, разведенными да гулящими. Как мужик, видно сильный и бабы от него уходили довольные. А за вечер утех мог «уговорить» две четверти самогона. За это время в деревне, пока главный гулял, кое – кто успевал в тайге скрыться, а другие находили нужное количество денег, золота, золотых украшений, что бы избежать сурового наказания.

Вот такая публика на двух тарантасах да трех бричках, прибыла в селение, дабы вывести на «чистую воду», вредителей и врага народа Евлампия Вараксина, не только исконного хлебо-

роба, но одного из самых грамотных во всей округе человека, в плане толкования, объяснения библейских истин, знание молитв, законов мирских. Почти десять лет, он избирался сельским старостой. Да видно кому-то не давало покоя его сильное хозяйство. Добротные дома, амбары, заполненные всегда хлебом, а так же две лавки, где по самым дешёвым ценам, поселковые могли купить нужную вещь, а при необходимости и взять в долг без каких либо процентов (у старообрядцев дача денег, либо предметов под проценты роста неприняты). Три его сына: Авдей, Самуил, Игнатий тоже в достатке жили.

И вот надо же, самые что ни на есть деловые мужики и «ВРАГИ НАРОДА». Того народа, что вокруг них находил себе работу, нужную заботу, поддержку, в общем, жили не тужили, а коль пожар, собором и тушили. Лишись деревня этих даровитых людей и опоры подобных мужиков, их деловой мужитской смекалки, умения организовывать в сообщество остальных жителей, через пару месяцев её бы не стало. А ведь какие планы община старообрядцев во главе купцов Чечуриных, Вараксиных имела: построить маслодельный завод, новую кузню, платину, что бы свет появился, связь по проводам установить с городом.

В чем дело? Какова причина ареста?

А все дело в том, что из – за не привычной для этих мест погоды, в этот год, во рже и пшенице гадость появилась, гриб – убийца, по-сибирски спорынья, прямо таки облепила уже окрепшие побеги урожая. Евлампий видя, какую опасность эта зараза несет, первый начал бить тревогу. Что бы урожай сохранить, надо при уборке такого зерна на три-четыре раза отбивать от проклятого грибка, что бы колос оставался чистым. Но тогда будет потеря почти половины урожая.

Другой выход – рожь, пшеницу после уборки не сдавать на продажу, а на год-два засыпать в хранилище хорошо проветриваемое. Потому, как спорынья со временем полностью теряет свои ядовитые свойства – **ЯДОВИТЫЕ, СТРАШНЫЕ ПО ПОСЛЕДСТВИЯМ.**

А они таковы, коль вот ты Россиянин, каждый день жуешь хлебушек и не знаешь, что достаточно всего то – **ПЯТИ, ПОВТОРЯЮ, ПЯТИ ГРАММОВ ГРИБКА СПОРЫНЬИ** попасть в твой желудок и все тебе капец. (Обыкновенный гриб-паразит, который на-Руси называют спорынья. Весом примерно 1 грамм. При определенных условиях как болезнь, начинает прорастать на злаке ржи и пшеницы. Содержит страшные ядовитые вещества – «алкалоиды», которые обладают смертельными свойствами для организма живого, вызывают сокращение мышц и приводят к гангрене конечностей, побочно умственное расстройство, страшные боли, агрессивное поведение. В средние века эту болезнь называли «Антонив огонь». С другой стороны спорынья, применяется в медицине как лекарство).

Потому то, как знающий природу избавления от поразившей болезни зерновых культур, Вараксин, стал убеждать сельчан, что этот новый урожай сдавать не стоит, а отложить его на пару лет для хранения. Потому, как через год-полтора активность вредного микроба исчезает. А потому, пользуясь авторитетом, посоветовал ссыпать новый урожай в отдельные хранилища, а вместо этого пораженного зерна выдать хоть и меньше, но зерновой запас прошлого года. Естественно, нашелся доброжелатель, который доложил это кому надо.

Ну, а теперь, вот ты читатель скажи! Не зная пред истории, о каких то там пяти граммах смертельного яда, могущем оставить человека без рук и ног, но вот страна испытывает голод, что бы ты сделал? Да очевидно, посчитал бы это вражей пропагандой, что бы лишить еды нуждающийся народ.

Вот тоже и сотворили приезжие учителя новой жизни. Ну, хотя бы собрали сход, объяснили. А ведь был пример подобного в Томской области, где ради проверки дали съесть несколько граммов ядовитого грибка человеку, которого должны были расстрелять: и что же произошло через несколько часов? Возникли страшные судороги, от боли у несчастного даже глаза вытекли, весь он покрылся страшной проказой, был воочию увиден «Антониев огонь».

А ведь чуть было этот хлеб Томские власти не отправили в столицу.

«Франческо» оказался далек от доводов пожилого авторитетного хлебопашца. Решил просто исполнить приказ известный только ему: «За попытку срыва хлебопоставок, организаторов провокационных слухов, а так же тех, кто еще повинен в сокрытии и не допоставок зерна – расстрелять» – при этом указаны фамилия Вараксина и трех его сыновей.

Далее приписка-рекомендация, от руки вышестоящего руководства Бийского ЧК: «Дабы не вызывать отрицательных проявлений со стороны граждан поселка,

распустить слух, что прибывшие сотрудники, только арестовывают для дальнейшего разбирательства в суде указанных вредителей. Для успокоения осужденных и их родственников, объявить, что самое большее наказание, не более чем трудовые работы на предприятиях города Бийска или Барнаула. Там же предписано было: «Расстрел произвести в месте потаенном, в удалении от посёлка». Для большей правдивости, арестованным разрешили одеться во все чистое, взять несколько пар сменного белья, так же, еды на пару недель. Но еще более успокоили, тем, что разрешили старшему внуку, сопровождать их. Он ехал чтобы, продать в городе Бийске восемь ульев с пчелиными семьями. Вот так все было представлено, что бы, обреченные не узнали, что смерть их ожидает недалеко от дома отчего. Но вот, то чего не должны были знать уже приговоренные к смертной казни, стало известно через Клашку Судейкину – очередной крали на ночь, для почтенного начальника группы чекистского отделения.

Когда «Франческо», изрядно натешившись с молодой женщиной в баню отправился, подруга его, за пять минут сумела прочитать не только сам приказ, но и ту приписку, как скрыть убийство людей без суда и следствия.

Мужики с общины быстро собрались на совет. Что делать? Предложили устроить побег. Тайга, она матушка укроет, обогреет и напоит сибиряка. Но вот от всего этого пришлось отказаться. Потому как из соседней деревни тайно, точно так же арестованные свершили побег, так власти вместо тех беглецов, расстреляли их семьи, а хозяйства увезли с собой. Ничего не оставалось, как принять смерть, во имя спасения своих родственников и сельчан. А главное, что старообрядцы, согласно принципу вере своей: «Непротивление власти» не смогли допустить другого подобного действия, против закона нового правительства. Будь это еще год-полтора назад, когда всюю шла гражданская война, и властвовало беззаконие, тогда община имела право всячески защищать свои семьи.

Уже ранним утром, Вараксин и его сыновья, испросив разрешения, сходили в баню, надели самое лучшее и чистое, не проявили сопротивления, когда их связывали, тронулись в последний путь.

Евламий, предвидя, что их наверняка расстреляют, незаметно от всех остальных наказал старшему внуку Василию, взять припрятанные золотые червонцы и за ранее часть их оставить на видном месте там, где предположительно семейство Вараксиных должны были уничтожить. Вторую же часть золота, Евламий, наказал внуку держать при себе. Он боялся, что всё пойдёт не так как он замыслил, и о том, что знали о предстоящей расправе, никто виду не подавал. Все происходило спокойно. Даже внук, который должен был сопровождать две брички с пчелиными ульями в город Бийск, спокойно и деловито закреплял и связывал домики для пчел. Согласился ехать позади всего конвоя, якобы, что бы не растрести уже успокоенные пчелиные семьи и даже закрыл мешковиной свой груз.

Еще до того как выехал конвой, Васька успел добежать до предполагаемого места, где наверняка, казнят его родственников. Это местечко, в двух верстах от деревни, там еще протекает ключик, а далее непроходимое болото – согра. Самое, что ни на есть удобное место, что бы свершить убийство и оставить в тайне место захоронения. Всё исполнил Васька, спрятал кожаный мешочек с золотыми червонцами под хорошо видимым от ручейка трухлявым пнем. Кроме подвод, на которых сидели связанные члены семьи Вараксины, были ещё две брички на которых, уложены так называемые подарки от сельчан, две бочки солонины, и свежая туша забитого марала, а кроме того шесть бутылей первоклассного самогона. В общем-то, кто знал

обо всем из числа прихожан старообрядческой общины, надеялись, что Евлампий и золото, помогут сохранить жизнь соотечам.

Когда обоз подошел к ручью и заболоченной низине, все вдруг поняли, что должно произойти дальше что-то страшное, кровопролитное. Недолго думая конвоиры, поняв, что им предстоит обычная работа, начали в открытую и очень громко, что это даже слышали обреченные на смерть, вести разговоры, как быстрее казнить врагов, не попортив, однако при этом надетую на них новую, чистую одежду. Как ни как, а на каждом добрые зипуны (верхняя одежда), совершенно новое как нижнее, так и верхнее холщевое белье, да и сапоги на всех добротные, хромовые.

Вот тогда-то попросил слово Евлампий, обратился прямо к «Франческо»:

«..Мы прекрасно знаем, что вы сейчас нас кончать будите. Об одном прошу вас перед смертью нашей, освободите от веревок наши руки, ноги. Позвольте проститься нам по-христиански и исполнить молитву «Живые помощи». За все за это, ежели разрешите нам исполнить, за это благодеяние вы получите расчет золотыми монетами. За это доброе дело, мы расплатимся щедро. Видите пень замшелый, под ним в кожаном кошеле сотня царских золотых червонцев, так что на всех хватит с лихвой. Ежели вы нас еще и в живых оставите, то обещаем исчезнуть из этих мест навсегда. У вас будет повод доказать, что якобы мы, ваши арестанты, будучи связанными попытались сбежать, но утопи в болоте. Наша же одежда, которую мы вам отдадим, будет доказательством, что вы свою службу справили верно. Коль вы согласитесь на это, то мой внук Василий, что на взгорке, на бричках с ульями, отдаст вам еще столько же золота. Но это золото храниться не у него, а в одном из ульев, так что вам нет резона убивать мальчика. Он вам сам отдаст богатства, когда мы скроемся. Я вам все сказал, теперь решайте вы.

Конвоиры, а их вместе с командиром шесть человек, долго меж собой говорили, спорили. Потом один, самый молодой добежал до бугорка, где перевернув корягу вместе с пнем, обнаружил самодельный кожаный кошель. Все, что было внутри мешочка «Франческо» высыпал вверх чьей-то гимнастерки.

Боже ты мой! – вот действительно богатства. Несколько сотен новеньких, золотых николаевских червонцев, словно вспышкой от лучей солнца опалила сердца

и души этих мучителей и палачей: «Это ведь, каждый из нас, если поделить поровну, на деньги нынешние, новый дом построить может. И всего-то, за то, что бы дать этим не, в чем не повинным людям исполнить долг православных христиан. А ведь и вторая половина золотишка не меньше будет, этак, так на всю жизнь безбедную хватит...». Всеобщее возбуждение, от неожиданного богатства, что появиться в их карманах, вдруг почему-то разделило этих людей, каждый увлекся своими расчетами от возможной выгоды.

Все дали согласие на такой исход дела, а кроме старшего, который решил сделать все иначе. Для виду он дал приказ освободить от узлов связывавших семейство Вараксиных. Позволил им раздеться до исподнего (оставив только кальсоны) и разрешил свершить нужную молитву, столько раз, сколько это потребует по времени. Всем этим начальник вселил надежду на благополучный исход у своих охранников, а так же и обреченных на смерть.

В последний момент Евлампий, этот старый, но опытный казак-войка, старообрядец, когда все суетились и даже несколько радовались, что по-мирному решили это дело, усмотрел как «Франческо» скрытно достал из обоза еще один наган. Незаметно зарядил его и спрятал у себя на груди. А еще старый человек узрел, как глаза этого начальника еще минуту назад, вроде бы добрые, вдруг озлобились и налились кровью. А потом его щедрое разрешение всем присутствующим выпить, кто, сколько хочет спиртного, дополнительно дало повод для сомнения Евлампью, что после исполнения молитвы палач отпустит их на все четыре стороны. Жалко только стало, что они могут убить его внука.

Глава семейства все понял, что партийная совесть и преданность идеалам большевизма у их губителя, превыше всяких обещаний, жалости к людям и наличия какой-либо справедливости.

Да!!!! – для «Франческо» на первом месте это ликвидировать врагов народа. Но вот эта золотая куча, которую он уже почему-то не захотел делить, а забрать все себе! Но для этого нужно покончить со всеми разом. Как доложить? Он сумеет, тем более товарищи по партии ему во всем доверяют. И, как правило, после любого подобного мероприятия, он не перед кем не отчитывался, а только писал рапорт в губернское ЧК. А все происшедшее мог представить как пьяную ссору меж охранников, которая могла привести к побегу арестованных. А потому не лишним будет в том рапорте указать, что ради лучшего исхода, он собственноручно вынужден был даже застрелить одного из своих помощников. Ну, а потери в этой кутерьме, которые происходили в десятках, а то и сотнях подобных отрядов, оставались без особого внимания.

Вот такая была задумка, польстившегося на дармовое обогащение коммуниста, у которого вдруг при виде золота утихли и куда-то исчезли высокие идеи большевика. Весь этот коварный план, конечно же, разгадал Вараксин Евлампий, а потому пока их развязывали, да дали возможность раздеться, хотя

утренняя прохлада сентябрьской тайги и вызвала дрожь. Отец поведал сынам честно, о трагической их участи. Но вот их вера дала им силы спокойно отнестись к предстоящему смертоубийству.

Все вроде просчитал начальник команды, но что-то пошло совсем иначе, а не так как замыслили опричники.

Когда эти четверо, истинно православных христианина, обратив взоры к только что поднявшемуся над предгорьем ликующему солнцу, они с Великой Верностью Богу вдруг воспели свою последнюю молитву похожую на гимн миру прошлому и миру будущему. Они, возгласили молитву, которая открывала Врата Рая для их Душ... Это странное созвучие, сильных мужских голосов не в храме, а в чистом поле, насыщенном чистотой природы, беззвучием небес, тишиной таежной дали свлушали стоящие вокруг них.

Боже ты мой, эти голоса, поддержанные кристальным беззвучием природы, словно огромный хор, пробуждал новый день. Голос Веры, Надежды, Любви... Голоса необыкновенной красоты, созвучия, силы. В пении не было даже нотки беспокойства, робости, тревоги за их исчезновение, за их последний час, за их конец земного пути. А наоборот твердо, громко вещалась: Крепость, Могущество, Величавость, Великое бесстрашие пред вечным упокоением.

Эта молитва посреди поля, где должно свершиться злодейство, вдруг протрезвила, сердца палачей, которые смелы были до дармовщины, смелыми, когда кучей издевались над угнетенным, не грамотным мужиком.

СИЛА СЛОВА БОЖЬЕГО склонила этих грешников в поклоне земле матушке. Заставила креститься. И то чего больше всего боялся главный палач, эти разомлевшие попавшие под какое-то влияние четверки дрожащих, полураздетых старообрядцев, вдруг перестанут его бояться, как руководителя группы. И у них исчезнет желание исполнять его приказы.

Этот испуг, прожжённого партийца усилился страхом, что он зарубивший шашкой, заколовший штыком, застреливший не один десяток русских людей, вдруг сам смалодушничает, поддастся этому общему сопереживанию, голосу совести и справедливости. И в этот момент, этот инородец вдруг понял, как глубоко он ошибался, считая людей старой веры, да и вообще верующих – фанатиками. Оказывается фанатизм и Вера, разные по сути материи.

Тех, кого он намерен изничтожить, все разного возраста, роста, характера, но едины в одной своей преданности Бог. Все они не безрассудно принимают мученичество, а даже с великой благостью, что больше всего злило «Франческо». Благостью и силой во всем обличии понятной только им Веры которая вольно уводит их в Бессмертие. И еще обреченные знают

истину бытия Всевышнего, а вот он не знает, окончивший два университета, и вдруг ему стало за это стыдно.

Как же обидно, этому да мозга костей творцу Мировой Революции, что он ничтожество, по сравнению с этими боролатыми, не образованными мужиками. Оказывается, даже, он не только материально (обилие наличия золота у старообрядцев), но и духовно беднее их. Хотя имеет власть над такими вот Богоидейными людьми. Он стал слабаком, когда увидел кучку золота, и был готов продать не только «мать родную», но и всю совесть большевицкую.

Злость, обида, ненависть, неудовлетворенность, все это настолько ожгло сознание, замутило рассудок, что обезумевший палач выхватил два нагана и в упор, растрелял этих истинно верующих русских людей. Далее со звериным оскалом на лице, одуревший от вида бьюще фонтаном крови из жертв, он хотел было сразу же расстрелять и своих сослуживцев, но вспомнил, что на бугорке, меж ульев есть еще один свидетель-внук Евлампия. «Франческо» остановил себя, привел в чувство и повиновение своих подчиненных. Сумел он через пару минут замешательства, этот иностранец, заставить поймать последнего свидетеля всего происшедшего. Палачи поймали Ваську, связали его, а далее казнённых отнесли в болото. Самый опытный из убийц, некто, Кондратий-который в Новосибирской тюрьме палачом подрабатывал, личным примером показал и объяснил, как надо «прятать концы в воду». Заставил у всех застреленных рассечь мочевые пузыри, вспороть животы, что бы тело уже не смогло всплыть.

Это страшное место закидали травой, валежником, осокой и стали решать каким способом заставить малыша найти и отдать спрятанное золото в ульях, и что потом с ним сделать – порешили, просто задушить.

В общем, расслабились, закурили.

Ваське всего-то десять лет, на предложения указать, где находится остальное богатство, он, понимая, какая участь ждет его, схитрил. Попросил все улья столкнуть с повозки. Спросил у одного из конвоиров шашку, что бы открыть поддон изделия, где якобы хранятся золотые монеты. Вдруг неожиданно для всех, не по-детски стал он делать взмахи этим оружием (а как пользоваться шашкой старообрядцы обучали своих ребят-казачат, уже с семилетнего возраста). Обида за смерть своего деда, отца и дядьки настолько возбудило мальчонку, что тот, как бы удесятерился в своих силах. Палачи, конечно, не подозревали о том, что их пленник «от горшка два вершка» сможет что – то серьезное сделать настоящей тяжелой, острой саблей, с которой управляется не всякий взрослый, а здесь какой-то шпингалет на время попросил оружие, что бы вскрыть тайник с так желаемым золотом. Потому один из конвоиров небрежно бросил к Васькиным ногам своё личное оружие – палаш 1870 года образца.

Васька же, ловко выдернув блестящие жало из ножен, вдруг с необычной ловкостью, злостью начал рубить пчелиные домики. Вздурораженные семьи пчел, обретя свободу и поднятые раньше времени, почуяв едкий запах табака, с примесью самогона, свежей крови неистово накинулись на всю эту кофлю изуверов.

Животные, то есть, лошади, оказались умнее людей. Галопом кинулись на взгорки. Главный же палач и его помощники, гонимые роями насекомых, получая укусы во все места, наоборот кинулись в воду. Далее начали топить друг друга, так как место где они сгруппировались, оказалось самое глубокое, вязкое и всего одна кочка, которая возвышалась над этим новоявленным кладбищем. Вот за это место жизни преступники как могли, применяя даже оружие, убивали и топили друг друга. Кони разбежались, палачи, за исключение одного, самого молодого, который волей судьбы оказался на этой кочке, захлебнулись в зловонной жиже. Пчелы же утолив свою злобу, вновь сбившись в рой, улетели.

Тот, кто остался в живых, казалось, тронулся умом, но вот что странно. Когда его нашли, он постоянно повторял: «Страдания мои безнадежны, на загробное воздаяние и спасение души», кроме того постоянно твердил Иисусову молитву.

Васька же, прибежав в деревню, о том, что видел, слышал, сообщил только старосте общины старообрядцев, тот же посоветовал Ваське забыть о всем, что произошло на его глазах.

И деревня замерла на день, другой. Только на третьи сутки специально посланный из районного ЧК верховой военнотружаший, посланный узнать о причине задержки большого конвоя, подъезжая к ключику, где произошла трагедия, услышал писклявый голос помощи. Ринулся было к личности, сидящей на кочке, обликом похожим на человека, да сам чуть не утонул. Тот же, кто остался единственным живым из всей команды «Красного террора», кроме как Иисусовой молитвы произносить не мог и все так же повторял, что остался без спасения души. О том, что произошло, во всем поселке даже слуха не появилось. Ибо Васька, видевший, как погибли его сородичи, и какова участь постигла убийц, обо всем рассказал только священнику общины. А потому община порешила, о происшедшем ни чего не говорить.

Были люди, и нет людей.

Приехавшие после этого две комиссии, обнаружив в живых только ума лишеного, твердящего лишь Иисусову молитву, решили все дело это закрыть. Прекрасно понимая, что старообрядческая община, к тому же потерявшая своих собратьев, хоть и не противится власти, однако, у людей этой веры всегда воля общества выше законов любой власти. А потому никто и никогда не выдаст, тех мирян, которым что-либо известно, при каких обстоятельствах исчез целый отряд. Было решено эту трагедию представить геройским подвигом сотрудников группы «Красного террора». Всем хорошо – родственникам погибших пособие, в газетах – патриотическая статья о жестоких буднях сотрудников, ведущих борьбу против кулачества. Было написано, что группа «Франческо», перед рассветом, возвращаясь с заключенными, сбилась с дороги и угодила в топь, где все и погибли, за исключением одного сотрудника, который направлен для излечения в одну из психиатрических больниц города Новониколаевска.

Ключик тот и поныне бьет чистой влагой, которая истекает в низину, где упокоены навечно русские люди. Я уверен, что когда-нибудь там будет построена часовня.

P.S

Вы вершители несправедливости на день сегодняшней, помните:

«Ибо нет ни чего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы»

(Лук. 8:17)

Всех нас ожидает суд Божий, справедливый. Для тех, кто принял Иисуса Христа, своим Господином и Спасителем, Страшный Суд будет радостным событием. А для тех, кто отверг жертвенную любовь Бога, в лике Христа, Страшный Суд будет самым страстным, какой только можно представить на земле грешной. Знайте, вы, об этом, творящие беззаконие, что есть истинная справедливость – Небесная!

Сказ о деяниях старца

*О деяниях проповедника истины – старца Антония.
«Слепые прозревают и хромые ходят,
прокаженные очищаются, глухие слышат,
мертвые воскресают и нищие благовествуют».
(Евангелие от Матфея 11:5)*

Иоанн Креститель.

О том, что где то в тайге отшельник Антоний жизнь праведную ведет, не только в Бийском уезде, но и Томской губернии знали.

Весть же, что старец от недуга телесного и душевного излечивает пошла не от кого-либо, а от самого градоначальника Барнаульского.

Сын его возраста детского, вдруг опору в ногах потерял, а в скорости и зрение утратил. Врачи здешние, как и светила медицины из самой столицы все лекарства испытав, честно признались в неспособности поправить здоровье ребенка.

Смерть скорую, неминуемую предрекли. В такое скорбное время к сановнику, на прием делегация староверов пришла. Вопрос не пустячный, долго решаемый—на счет строительства храма древлеправославного. Хоть и крут начальник, горем сломлен, но представителей веры старой все таки принял, потому как состоянием да чином своим батюшке родному обязан, который крестился и молился по – старинке-двуперстием.

В ответ на благосклонное отношение к делу, решаемому иерей – Афанасий Емельянов, зная о несчастье в семье чиновника, помощь предложил, а именно, свезти больного к старцу Антонию. С надеждой великой градоправитель уже угасающее тело чада своего в руки священнослужителя передал.

Скитник, как раз прекратил трехгодичный обет молчания, и Словом Божиим уже не раз избавлял единоверцев от мук различных. Принимал же жаждущих в помощи его, в удалении от обители тайной, что скитом прозывается.

В ристалище том, куда страждущие приходили, Пахомий Думнов, да Савелий Казанцев домик сладили, где можно укрыться от непогоды, отдохнуть с дороги нелегкой, долгой, помолиться в ожидании Благочестивого.

Путь до места того не из легких. Тропа узкая меж увалов горных, кряжей, камней, да ручьев таежных. Ежели на коне то только верхом – и то не везде. А потому, ни каждому дано под силу дойти до места нужного. Да и помощь отец Антоний ни всем оказывал. Однако, кто не был принят, обиды не держали, понимали, что не достоин

слова Святочтимого до поры до времени. Тогда такие, покинув поприще духовное, возвращались в церкви свои, да молением достигали встречи желаемой. Так, что некоторые по несколько раз уходили ни с чем, только достойные обретали здравие от скитника.

Еле живого ребенка, отец Антоний, вопреки запрету дозволил принести прямо в скит. Как уж он лечил и чем, но только к концу лета малец опору в ногах почувал, без поддержки ходить начал, глаза узрели благолепие природы чистой, дикой.

Случилось и такое, торговец именитый аж с самой первостольной, исповедующий древлеправославие к преподобному Антонию решил за помощью отправится. Потому, как живя в достатке, любви с супругой, наследников лишен был. Соратники по вере и делам коммерческим, из семейства Чечулиных, что в Барнауле проживали, указали путь дорогу к праведнику. Неделю паломник, как и положено, постился, молился да вот только на подходе к урочищу, где встретиться со старцем должен, проявил торопливость ненужную, да грубость к женщине, что впереди его по тропинке таежной чуть ли не ползком передвигалась. То была Лукерия Свеш-

никова, лет еще не преклонных, однако от труда крестьянского, да заботы о детях, коих аж пятеро, совсем ослабла. В путь далекий тронулась, не за себя, за сына старшего хотела просить Антония молитву свершить.

Отрок её, за честь девицы, вступившись, руку сломал обидчику. Потерпевший оказался сыном самого начальника полиции Новониколаевска (ныне г. Новосибирск). Упекли кормильца Лукерьи на работы каторжные, в Нерчинск, что за озером Байкал.

Вот эта женщина и оказалась помехой на тропинке таежной для мужчины вроде бы благочестивого, не злобного, да вот взял тот и оттолкнул человека ослабевшего, дабы быстрее со старцем встретится.

Прибежал «торопыга» к месту заветному, думал что первый, а там уже два богомольца-просителя. Чуть в сторонке, на пенечке под ветвями рябинки – Антоний сидит, голову опустив, задумавшись о чем то.

Время к полудню, а старец вроде ждет еще кого то. Уж солнце, когда за горы скатилось, Лукерья опираясь на коряжину, словно костыль, к полянке вышла. Вот только тогда Блаженный голову подняв, встал и, подойдя к склоненной в поклоне женщине, руку свою, возложив на чело просительницы, всего то и произнес: «По Вере твоей, да будет тебе..... отдохни сестра, да к детям младшим возвращайся.... старший сын к осени живым и здоровым вернется в дом отчий...».

Два других паломника, тоже благословление доброе получили. Один лишь купец ни с чем покинул, то место. Почему так произошло, понял на пути обратном. Чтобы грех свой как то умолить, лошадь купил Свешниковой, до дома доставил, разузнал все о сыне – каторжнике. Через возможности свои столичные, деньги немалые, организовал новый суд, который вернул свободу невинно осужденному. Жена же купца, вскорости двух наследников родила.

Антоний, в отрочестве Алексей, старший был среди сестер да братьев из семьи православной династии рудознатцев, кои первыми нашли золото в горах Алтайских. К возрасту юношескому, он уже самостоятельно, используя лишь рисунок, объём, блескость лепестка слюдяного, умел находить залежи металла благородного. В отличие от брата младшего Каллистрата, старший, не питал страсти к богатству. Кровник же с детства, увидев золото, в лице менялся. Порой часами самородком, аль россыпью прелести рыжей любовался. Еще одно отличие – Алексей породой в отца худошав, высок, на ногу скор. Работы любой не гнушался, про таких, говорят «двужильный». Каллистрат же полноват, приземист к труду хоть и приучен, но при случае пытался какое-нибудь заделие себе находить в тенечке да прохладе, мозолей да волдырей на руках не допускал. В пол силы трудился, но как ни странно старший любил брательника. Постоянно прикрывал леность любимца, тем, что иногда исполнял работу за него, в обиду никому не давал. Порой даже вину братову брал на себя.

Позднее родители обженили братьев. Долей равной на жизнь самостоятельную одарили. Да вот только недостаток, почему то в дом Алексея шел. Видно Каллистрат забыл, заповедь предков: «Что ежели человек начинает больше да чаще золото да деньги любить, то перестает уважать себя, слушать совесть свою», а посему не достигнет благосостояния желаемого.

Зависть к добру брата старшего, вначале малая, в скорости, словно червь точить стала нутро Каллистрата. Ревность та, в алчность да порок страшный превратилась. Решил младший, старшего порешить, состояние его себе присвоить. Семейство же Алексея отравить удумал. Все случай удобный для убийства изыскивал. Как то в поисках новой жилы золотоносной родственники с двумя помощниками, остановились на отдых под скалистым берегом Катуня.

Злодей при этом, усмотрев на вершине насыпь из валунов, распорядился палатку Алексея установить как раз в месте лавиноопасном. Для себя же чуть подальше. Чтобы брата погубить нужен был помощник. Попытался уговорить слугу своего преданного – Афоньку Лужина. Однако тот в последний момент отказался, помогать в убийстве. Ночь с грозой выдалась. Душе-

губ, словно Каин устроил камнепад, который снес палатку и спящего Алексея в быстрые потоки реки. Свершив злодейство, Каллистрат шум поднял, поиски организовал, да все напрасно. Посчитали что погиб золотодобытчик удачливый. Снохе Каллистрат, во время поминок отраву подсунул, та после трех дней мучений в мир иной отошла. Племянникам, когда те в бане были, угару напустив, тоже жизни лишил. Все эти окаяинства Афонька знал, но за своё получил деньги от хозяина, которые заставили рот закрыть и забыть о преступлениях.

О страсти тайной Каллистрата, золотом и украшениями в одиночку любоваться, никто не знал. Известно домочадцам было лишь то, что под домом, со стороны двора, проход в хранилище ценностей своих глава семейства устроил. Подземелье

то, за тремя дверями из дуба, железом покрытых, на замки внутренние и навесные заперты. Перед входом в тайник основной, решетка из прутьев чугунных, веревкой через блок поднималась. Конструкция такова: ограда та веса большого, сверху вниз опускалась. Внизу же стопор-задвигка на пружине, что фиксировала подъем.

Прежде чем поднять решетку, надо было на рычаг, что в стороне с усилием большим надавить, одновременно веревкой навес поднять. Так, что вся эта машина держалась в подвешенном состоянии на веревке, а при спуске намертво клинилась внизу. Открыть этот вход изнутри хранилища невозможно.

Вот так войдя в свой бункер, злодей, раскрыв ящики с ценностями, присел, истому сладкую испытывая от мерцания золота. Все вроде рассчитал скряга, строя укрытие для стяжания капитала. Подвал глубокий, с запорами хитрыми, решетка железная, а вот на трос железный, который защиту последнюю поднимать должен – пожадничал, вместо этого веревку вроде бы и толстую, прочную купил, льняную. Для скольжения лучшего по блоку, маслом растительным канат пропитал, не подумал, что в подземелье мышам, что – то жрать надо.....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.